

Бегство от Бессмертия

Алекса Марина

Алекса Марина
Бегство от Бессмертия

«Издательские решения»

2015

Марина А.

Бегство от Бессмертия / А. Марина — «Издательские решения», 2015

Как тени прошлых жизней могут повлиять на характер и психологию человека? Как новая сила может изменить жизнь обыкновенной девушки? Как использовать эту силу? И как при этом остаться человеком? Ответы на вопросы пришлось искать молодой девушке Юлии, попавшей в эпицентр великой схватки темных сил. Осознав, кто она есть, вспомнив причину своего прежнего «ухода» из жизни, девушка понимает, что она вампир. Она вампир в городе, населенном людьми. Она вернулась. Как жить дальше?

© Марина А., 2015

© Издательские решения, 2015

Бегство от Бессмертия

Алекса Марина

© Алекса Марина, 2015

© Михаил Врубель, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

В последнее время мне снился один и тот же сон. Темный зал с полированным полом, в котором отражались стены, увитые экзотическими растениями. Потолок терялся в клубах тумана, текущих, как перевернутая река. Звук сыплющихся песчинок в странных стеклянных песочных часах величиной в два человеческих роста. Запах холода, крови и пепла, и невероятная слабость в моих руках, сжимающих острый меч – спата, с голубоватыми бликами, вспыхивающими на лезвии.

Мой противник, высокий и прекрасный рыцарь в блестящих доспехах, необыкновенного красного оттенка, от которого ломило глаза. К пике шлема прикреплено красное же пышное перо. Он тоже вооружен мечом, намного больше и длиннее моего, с гравировкой незнакомыми символами, с богато украшенными драгоценными камнями гардой и навершием. Противник, подняв меч перед собой, плавно шагнул в мою сторону. Несмотря на массивность доспехов и меча, двигался он удивительно легко, почти паря над полом. Запахи и звуки зала перестали для меня существовать, мысли запрыгали как мячики, стараясь предугадать его следующее движение. Острие его меча поднялось выше, и теперь было нацелено мне в грудь. В щели шлема сверкнули холодные глаза. Я не выдержала и бросилась в бой. Он легко увернулся, не отбивая мой меч, и я, не встретив сопротивления, пролетела вперед, получив по затылку тяжелой рукавицей. В голове вспыхнули звезды, но надо было срочно подниматься и продолжать бой. Едва успев подняться на ноги, я увернулась от сверкнувшего меча, но удар кулаком снова отправил меня на пол. Прекрасный рыцарь склонился надо мной. Но теперь сквозь прорезь шлема на меня смотрела мгла. Ударив ногой наугад, я попала противнику по колену, и воспользовавшись заминкой, побежала, пытаясь спрятаться за огромными песочными часами. Что-то просвистело над моей головой, раздался звук бьющегося стекла, и запнувшись о кромку, я полетела в песок, оказавшись в чаше разбитых часов. Ноги провалившись по колено тут же перестали слушаться. Песок поднявшийся тучей при моем приземлении стал закручиваться гудящей воронкой, а когда я попыталась выбраться, сомкнулся вокруг меня гигантским смерчем, слепя глаза и не давая вздохнуть. Все следующие попытки выбраться ни к чему не приводили, я еще больше проваливалась и увязала. Кусок моего плаща, затянутый песком, захлестнулся за шею душил и тянул вниз. И сквозь шум смерча и оглушительный шелест песка я слышала победный и оскорбительный хохот прекрасного рыцаря. Закричав от страха, я проснулась.

Опять кошмар. На соседней кровати соседка по комнате торопливо натянула на голову одеяло, прихлопнув его подушкой сверху. Я стала липкой от пота.

Этот сон повторялся и повторялся каждую ночь уже неделю, месяц? От напряжения, закусив губу, кровь успокоительной сладкой струйкой потекла по языку. Черт! Больно. Поморщилась, но дышать стало легче. От вкуса свежей крови на языке дыхание выровнялось и колотящееся в ребра сердце, обрело спокойный ритм.

Часы показывали 6.20, засыпать поздно, вставать рано.

Я медленно дотянулась до зеркала на соседнем стуле и попыталась рассмотреть себя в утреннем свете; ну, вот, опять простуда на губе. И откуда мне, только досталось такое хилое тело. Я еще раз взглянула на себя в зеркало. большие светло серо-голубые глаза северной блондинки, тонкие брови, рост – 170 см, тонкая, изящная, но не тощая. Больше всего мне повезло

с волосами, они густые и пепельные, почти серебристые. Расчесал утром и вперед, ни каких тебе укладок и мучений с феном по утрам, а вид как из салона красоты.

Описав себя, я вспомнила про подружку. Единственное чем мы похожи, это то, что мы обе светловолосые. Но у Насти медовый цвет волос и они немного вились. А еще у нее очень ласковые ореховые глаза. И вся она такая румяная, теплая, с пухленькими щечками, ручками и попкой. Ниже меня на голову, но в обычной жизни это не заметно, т. к. у моей подруги патологическая тяга к обуви на высоком каблуке, а именно шпилькам. Она даже на работу умудрялась бегать на высоком каблуке, правда после смены постанывала, отмачивая бедные конечности в горячей воде.

Хватит рассуждений, пора вставать, до института добираться час с пересадками. Мы с Наськой, как две борзые не раз обегали весь город, пока нашли, что дешевле. Правда комната паршивенькая, но есть диванчик, шкаф и стол со стульями.

Что у нас первой парой? Ага, литература. Предмет не плохой, но преподавательница повернута на Достоевском. Я в принципе ни чего против не имею, человек здорово писал, умел навести такую тоску, что хотелось повеситься после прочтения обязательной литературы.

Но мерить все с точки зрения Достоевского! Фу! Жизнь многогранна и феерична в своей реальности.

Чайник закипел, и я попробовала одной рукой налить себе чай, другой распутать гарнитуру мобильника, замотавшуюся за лампу. Ой! Капли горячей воды из чайника попали на коленку, разбудив меня наполовину. Вот он завтрак студента: кусок хлеба с сахаром и чай. А я бы с удовольствием начала утро с хорошего куска мяса, можно не прожаренного. Так даже лучше, зубы работают – нервы успокаиваются.

Не люблю я ранние утренние часы. Наверно у кого-то солнечные рассветы вызывают чувство умиления, но я ощущаю только беспокойство и желание забраться куда подальше и проспять весь день. Я помню, в школьное время маме, чтобы разбудить меня, приходилось постараться. Периодически заскакивая в мою комнату то с полотенцем в руках, то с ложкой для завтрака, она кричала:

– Юлька, подъем, вставай, опоздаешь! – и т. д., и наконец, наступал момент, когда она одетая для выхода залетала в мою комнату и вцеплялась в одеяло. После борьбы у меня открывался один глаз, после долгой тирады, что я лентяйка и жизнь моя кончилась, не успев начаться, открывался второй.

Непрерывный поток мыслей разбудил меня окончательно. Меня зовут Юлия, Юлькой меня может называть только мама, и то на правах родителя. Для всех других я – Юлия, не люблю уменьшительно-ласкательные имена, похожие на собачьи клички. Мне в восемнадцать лет. Живу на задворках Питера. Учусь, вернее, пытаюсь учиться в университете технологии и дизайна, на втором курсе.

Почему пытаюсь? Ну, это совсем просто. Я и моя подруга, и соседка по комнате Наська подрабатываем в гипермаркете. Хочется поесть по-человечески, шмотки тоже хочется. Так что на учебу остается совсем мало времени. А тут еще подруга со своими заморочками: Наське отчаянно хочется замуж. Но так как она патологическая неудачница, то мне постоянно приходится выручать ее из разных историй.

Два месяца назад, в наш законный выходной, и первый выходной после зарплаты подруга настояла отправиться поиграть в бильярд со словами:

– Ты как хочешь, а мне замуж пора, а там встречаются классные мальчики... – она потянула меня с собой. Глубоко вздохнув и настроившись поскучать в одиночестве, пока отчаянная девушка пытается охмурить очередного кандидата, я составила ей компанию.

В бильярдной были заняты почти все столы и здорово накурено. Мы присели и заказали кофе с пирожным, Настя принялась оглядывать зал, периодически отвлекая меня фразами:

– А тот, нет? А вот мальчик, нет, он не один, а с телкой. И что он в ней нашел? Вон, вон смотри, двое, на нас смотрят, – и уже им,

– Да, я играю, да, можно пригласить. – И мне:

– Ну, я пошла.

Все, моя миссия на сегодня выполнена, посылка доставлена по назначению, можно идти домой.

Я вышла из биллиардной, вдохнула свежего воздуха. И что люди находят в сигаретах? Размышляя на эту тему и рассматривая дорожку, покрытую лужами, обнаружила крутую тачку с картинки журнала «Порш», заляпанный по самые помидоры. Машинка была, что надо, но очень грязная, как, будто владелец навмазавшись в баре, гонял ее по картофельному полю. Хотя, на такой и до поля не доедешь. Мне стало жалко чудо техники и, вспомнив детские проказы, я написала на его боку пальцем: «Вымой меня» и услышав сдавленный смешок, резко обернулась.

На тротуаре, засунув руки в карманы отутюженных дорогих брюк, стоял смазливый «парень» без возраста. Ему можно было дать и семнадцать, и двадцать семь, и больше. Он был холерный, но немного затасканный. О чем говорили его утомленные глаза.

– Тебя бы помыл, с удовольствием... – лениво процедил он, уже без улыбки, разглядывая меня с ног до головы.

И тут меня, как черт дернул; я развернулась к нему всем корпусом и, прислонившись к машине, сложила руки на груди:

– Я не обслуживаю по саунам!

– Без проблем. Бассейн тебе подойдет? – в его голосе прозвучала заинтересованность.

– Лучше море или океан.

Незнакомец снова окинул меня оценивающим взглядом:

– Идет!

Он вытащил авто-ключ. Автомобиль радостно мигнул в ответ хозяину. Дверь пассажирского сиденья распахнулась настежь:

– Прошу, садиться!

Я села. В машине царствовал комфорт. На улице ветрено и сыро, а в машине тепло, приятно пахло кожей и дорогим парфюмом. В таких машинах даже сигаретами пахнет по-особенному.

Играла приятная музыка. Слава Богу, не шансон. Ненавижу шансон и блатные песни.

Я расслабилась, молча, глядела на ленту дороги, забывая смотреть по сторонам.

Водитель положил мне руку на колено:

– А ты не разговорчива.

Я молча глянула на него и переложила его ладонь с моей ноги на его. Он вскинул брови:

– Ты хочешь сама?

Я опять уставилась на дорогу. Внутри нарастало напряжение:

– Ну, села, ну и что дальше? Захотелось покататься, погреться, посидеть в крутой тачке или словить приключения на одно место?

Мои размышления прервал незнакомец. Он остановил машину, и, развернувшись ко мне, одну руку положил на мое бедро, а второй попытался притянуть меня за шею со словами:

– Ну, что, подруга...

Я уперлась ему в грудь:

– Я не хочу, – и, оттолкнув его, выпрыгнула из машины.

Его руки поймали воздух, парень возмущенно вышел из машины и попытался втолкнуть меня во внутрь. Зря он это сделал. Моя кровь закипела от злости. Его очередная попытка закончилась ничем. Я не поддавалась. Завязалась драка. Мне было не страшно, в потасовках я

участвовала много раз, отбивая свою бесшабашную подругу от неудачно выбранного кавалера, но в качестве жертвы я была впервые.

Нападавший не зря проводил время в спортивном клубе, его атаки стали жестче и напористей. Но и я отбивалась все агрессивней и агрессивней. Но главный удар я все-таки пропустила, и по моему лицу потекла кровь. Почувствовав на губах сладковатый вкус, я словно проснулась. Надо защищаться по-настоящему. Что ж я готова. Дыхание выровнялось, в голове прояснилось. Глаза внимательно следили за действиями нападающего, не пропуская ни одного жеста. И в какой-то момент я поняла, что произошла рокировка. Теперь он отбивался, а я нападала. Его лицо выражало крайнее недоумение сложившейся ситуацией, ведь я была на много мельче и легче своего соперника, но мои нападения заставляли его пятиться и спотыкаться. И если сначала он произносил звуки: «давай, детка!», то потом это превратилось в истеричное бормотание: «ты, чо, ты, чо?» У него все слабее получалось уворачиваться от меня, а моей целью стало – достать зубами его горло.

Совершив последний сильный прыжок, я сбила с ног соперника и хотела уже вцепиться в него, как вдруг осознала, что я делаю. В недоумении, щелкнув зубами в воздухе, и приземлившись чуть не на четыре конечности, остановилась над своей жертвой. Парень охнул. Нервно икнул. Пятясь спиной подполз к машине и, хлопнув дверью стартанул так, что запищали покрышки.

Когда затих шум двигателя, я медленно поднялась и услышала:

– Ни фиги себе...

Медленно развернулась: у обочины припарковались еще две машины, а зрители в количестве пяти человек стояли с вытаращенными глазами, держась за раскрытые дверцы.

Заметив, что я смотрю на них, пассажиры и водители с шумом влетели в салоны, захлопав дверями, как бы забаррикадировавшись, и растворились на шоссе.

Я осталась одна на дороге. С одной стороны вроде лес, с другой окраины города. Конечности перестали дрожать. И что бы не нарваться на другую неприятность, следовало уходить отсюда. Я медленно брела по дороге в обратную сторону. На душе становилось все пакостней, то ли оттого, что сама себе устроила такой фейерверк, то ли оттого, что не победила. Я тогда не задумывалась, каким образом могла бы победить. Напряжение спадало очень медленно, сильно болела голова. Придя, домой, я первым делом залезла под душ, и долго смывала с себя злость, усталость, раздражение и обиду на себя и «того парня». Долго не могла заснуть, а когда, наконец, заснула, то увидела этот кошмар про рыцаря в сияющих доспехах. С той ночи он меня не отпускал.

Наконец-то у меня выходной. Любимая подруга со своим очередным «будущим» отправились на прогулку. Ее будущий – это субъект ростом под крышу вагона метро, с нечесаными волосами, поднятыми вверх и для устойчивости залитыми гелем или лаком, в узких голубых джинсах и клетчатым арабским платком на шее. Живописен? Да и ладно, лишь бы подруга была счастлива. А она вся светилась, бегая вокруг него на своих шпильках, что-то рассказывая и энергично помогая себе руками, когда ее избранник меланхолично вышагивал на своих ходулях, засунув руки глубоко в карманы черной куртки.

Я проводила такую нелепую пару глазами, на сегодня я свободна, ужасов не ожидается, надо заняться собой. Вернее, не собой, а своими ботинками, которым уже много лет. А они только сейчас об этом вспомнили и дали такую течь, что мастера только разводили руками.

Вытащив из тайника всю наличность, отложенную на новое пальто, я без радужных надежд отправилась по магазинам. Как я и предполагала, что было приятно взору и ноге, напрягало кошелек, так что он морщился и скрипел, а то, что было приятно ему, годилось только для

кунсткамеры. На моем пути последний на сегодня магазин, распродажа. У стеллажей заваленных обувью, деловито и радостно щебетали продавщицы и покупательницы. Одна отчаянно молодящаяся тащила две пары сапог, розовые и фиолетовые. Мне вяло подумалось, а если бы она была лошадь с четырьмя нижними конечностями, то тащила бы четыре?

Место у стойки с обувью освободилось, и я шагнула вперед. На стеклянной полке стояли полусапожки черного цвета с вышивкой по голенищу. От них веяло изяществом, легкостью и ...разрушенными надеждами. Если я перейду на кипяченую воду вместо завтрака, обеда и ужина, они меня дождутся? Нет! Белая ручка, густо унизанная тоненькими золотыми колечками, проворно подцепила раритет и потащила к примерочному пуфику.

Я медленно повернулась в сторону двери.

– И много не хватает? – раздался рядом голосок.

Я скосила глаза, мужчина средних лет, держа коробку с ботинками под мышкой, другой рукой засовывал кредитку в бумажник. В его глазах был интерес исследователя, который потрошит лягушку.

– Три рубля, – буркнула я и вылетела из магазина.

Подумав на остановке, что можно еще раз попытаться зашить мою прохудившуюся обувь, я забрела в мясную лавку, жаркое из картошки, мяса и грибов, в холодную дождливую погоду, что может быть лучше?

Лучшее ждало впереди, вернувшись домой, я застала подругу в радостных мечтах о следующей встрече. Костик, так звали ее бойфренда, сводил девушку в кино, угостил в кафе и купил пирожные в подарок. Ура, у нас вечером банкет.

Когда жаркое было уже съедено, а о пирожных остались лишь одни сладкие воспоминания, Наська развалившись на кровати начала философствовать о счастливой семейной жизни. И от своих побед и неудач плавно перешла на меня.

– Юлия, почему ты ни с кем не познакомишься?

– Как не знакомлюсь, да у меня полкурса в знакомых числятся...

– Я не об этом, – она недовольно сдвинула брови и стала похожа на рассердившуюся матрешку, – с мальчиками.

– Мне хватает того, что каждую неделю познакомишься ты.

Она надула губы, временно.

– Но, если ты не будешь искать, то не найдешь своего единственного.

– Если будет судьбе угодно, то буду я его искать или нет, он все равно найдется.

Она помолчала, переваривая услышанное, затем ее щеки запунцовели:

– А как же секс?

– Ой, я тебя умоляю, в наше время секс не проблема, для этого единственный не нужен, чем больше, тем разнообразней...

– Циничная, ты, Юлия, – Настя снова сделала попытку обидеться, но в кармане ее толстовки зазвонил мобильник, единственный и неповторимый на проводе.

У девушки заблестели глаза, и она в обнимку с телефоном выплыла на кухню, и оттуда донеслось ее томное воркование.

Единственный. Просмотрев у себя в голове встреченных на моем пути представителей противоположного пола, я осознала, что «единственного» среди них точно не было.

Но где-то он был?

Его звали... Сергей? Сержик?...Серик?... Да, его звали Седрик.

Ему было лет 16. Сильный и крупный не по возрасту, с каштановыми волосами и серыми большими глазами, которые внимательно изучающее смотрели на окружающий мир.

Он был племянником мага из соседней деревни, и со временем, также как и его дядя стал бы магом. Стал бы, но времени у него не было. Я больше не могла ждать. Все труднее становилось сдерживать семью, не разорять его деревню.

Шастанье по лесу доставляло мне несравненное удовольствие. С людьми мне категорически запрещалось общаться, пока я была человеческой девушкой, во избежание вреда с их стороны. Так как мой хранитель Аякс был простым вампиром и не мог днем находиться со мной постоянно. В особенных случаях он получал яд главы клана и на некоторое время мог находиться на солнце без осложнений. Обычно наши прогулки начинались с заходом солнца и заканчивались с его появлением. Но иногда у меня появлялась возможность, вот так безнадзорно прогуляться в лес. Хотя надо сказать, наш глава клана и мой отец Гаюс отслеживал мои исчезновения, не знаю, как, какими-то вампирскими чувствами. Это мне не сильно мешало, но постепенно приучило к мысли, что я всегда под защитой. Поэтому я никогда, ни чего не боялась, ни диких зверей, ни людей, ни вампиров.

День был жаркий. Яркое горячее солнце разогнало все облака и воцарилось на небе в гордом одиночестве. Самый тяжелый день для вампирского семейства. Слуги в глубоком подвале, Высшие в затемненных комнатах, Аякс тоже в подвале, а я – в своей комнате. Мне душно, хотя окно открыто настезь, наверно ветерок не долетает до моего крыла замка.

Решено, я отправляюсь на прогулку сама, правда я рискую навлечь на себя гнев Гаюса, ну и ладно. Зато предвкушение свободы захватило меня без остатка, как только я подумала о прогулке, тут же отправилась к двери, которая оказалась запертой. Попытаться спуститься по стене или отказаться от прогулки? Ну, уж нет. Скинув лишнюю одежду, кроме старого нижнего платья, замотав вокруг талии юбку, перекинула ногу через окно и нащупала первый камень. Спуск начался. Ладони были мокрые от пота, и несколько раз я оказывалась на волоске от катастрофы, соскальзывала то рука, то нога. Но обошлось, с трясущимися от напряжения конечностями, я, наконец, опустилась на крепостную стену. Долго лежала на животе, восстанавливая дыхание. А вот и моя спрятанная под каменной скамьей веревка!

Лес встретил меня душным маревом цветов, спелых ягод, соблазняя на еще более смелое путешествие. Жара загнала всех лесных обитателей в норы, пернатые лениво чирикали, подолгу зависая на одной ветке, лениво поворачивая голову, глядя на меня сквозь неподвижную листву черными бусинками глаз.

Углубившись по знакомой тропе глубже в лес, я свернула в сторону озера. Такую погоду нужно пережить в воде. Ветерок, легко пролетающий над вершинами деревьев, завяз в их кронах, но, прорвавшись вниз, донес до меня запах малины. Ядреный, сладкий, вязкий, сразу осевший на языке.

Первые ягоды, съеденные одна за другой, заставили зажмуриться от удовольствия. Я жадно вдохнула запах лесной малины. Способны ли вампиры ощущать полноту и радостное ощущение от всего окружающего, для того чтобы наслаждаться запахом лесной жизни, не обязательно ее есть. Или перейдя на другую сторону, они забывают человеческие потребности и слабости построенные на них. Солнце для них враг, вода им не нужна. Только мучимый жаждой способен оценить вкус каждой капли воды. Бедные вампиры, бедный Аякс, неужели им за столько лет существования не надоело питаться однообразно, кровью? Неужели божественный аромат и вкус ягод может быть хуже, чем кровь? – размышляя на эту тему и поедая крупные, светящиеся красным светом, ягоды малины. Я забиралась все дальше в малинник. Сочные ягоды взрывались у меня во рту, брызгая горячим соком в горло, заставляя кашлять. Философствуя, я потеряла бдительность, протянув руку к крупной ярко красной ягоде, услышала резкий хрюк. Дернулась, спелая ягода сорвалась с ножки и улетела вниз. Провожая разочарованным взглядом потерянную сладость, краем сознания я пыталась понять, что это был за звук. А когда поняла, мне стало не по себе. В пышных зарослях лопуха, кормилась семья дикой свиньи.

Я влипла. Животные, обычно ленивые и добродушные, если опасность не грозит их потомству, бросаясь на защиту, превращаются в ураганный ветер, сметающий все на своем пути, не взирая, на размеры «врага». В нескольких шагах от меня ветви огромной липы. Если сумею добраться, то есть шанс дожидаться подмоги, а иначе им останется мое растоптанное тело. Тихо-тихо я начала пятиться к липе, но я не вампир и скорость моя ограничена, а треснувшая ветка под моей ногой напомнила мне, что и не воздушный эльф. Одновременно со звуком треска раздался настороженный визг матери и то ли хрюк, то ли рык главы семейства и, огромная туша, судя по звукам, приближающимся ко мне, понеслась снизу. Быстро развернувшись, и уже наплевав ни тишину, я бросилась сквозь кусты, обдирая руки и одежду. В прыжке, ухватилась за сук и подтянулась, но видимо не слишком быстро. Резкая боль обожгла мою лодыжку и пятку, а юбка, затрещав, чуть не сбросила меня вниз. Подобно белке, взлетела по стволу вверх, радуясь, что дерево большое. Внизу, громко фыркая, метался вепрь. Из моей разодранной пятки хлестала кровь. Перед глазами поплыли круги, но если я сейчас потеряю сознание, то свалюсь вниз к великой радости беснующегося зверя, поэтому, усевшись в развилку, и отдрав от юбки внушительный кусок ткани, я перетянула ногу, а вторым куском привязала себя к стволу. Мое положение ухудшалось с каждой минутой, разъяренное животное не собиралось отступить, разогретое нападением и запахом свежей крови. Если он не оставит меня в покое до вечера, заявятся мои друзья – вампиры, и еще не факт, что они не поужинают мной тут же. Одно дело терпеть человека в собственном доме, под угрозой смерти, и совсем другое найти вкусно пахнущий кровью, деликатес.

Раздавшийся рядом разбойничий свист, чуть не сбросил меня с дерева, а в кабана полетела суковатая палка. На краю поляны стоял парнишка из дома, стоящего на краю деревни, на берегу озера. Сверкнув улыбкой, он снова громко свистнул, и кабан, развернувшись в воздухе, смешав копытами и рылом траву и землю под липой, с угрожающим рыком понесся в сторону смельчака.

– Беги, беги! – только и крикнула я, как мой спаситель исчез. А еще через какое-то время с той стороны донесся предсмертный визг животного.

Просидев на дереве еще какое-то время, я почти мешком свалилась вниз, нужно было попасть в комнату еще засветло, пока не проснулись наши. Может, удастся поговорить с Гаюсом, и он защитит. Но, сделав несколько шагов, я со стоном опустилась на траву. Нога распухла, и хотя кровь больше не шла, наступать на ногу было невыносимо. Солнце слепило глаза, мне очень хотелось пить, голова кружилась. Я на минуту закрыла глаза, а когда открыла, то обнаружила себя лежащей в своей кровати в чистой рубашке, моя аккуратно забинтованная нога покоилась на подушке под холодным компрессом. У окна спиной ко мне стоял Гаюс.

Лежа среди подушек неудобно разговаривать, поэтому я, преодолевая боль, вылезла из них, и устроилась, прислонившись к спинке:

– Гаюс, я... – надо попытаться извиниться, но отец не дал.

– Дльфина, как ты могла? Ты думаешь, я запираю тебя из вредности. Я забочусь о твоей безопасности. А если бы он не нашел тебя?...

– Кто, он? – сразу заинтересовалась я, вспоминая моего спасителя, и как он интересно меня дотащил, на вид не очень крепкий.

Гаюс сбился, помолчал и сказал:

– Я, я тебя нашел. Ты могла погибнуть, беспомощная и перед зверем, и перед людьми, перед вампирами, наконец.

Опустив глаза, я изобразила раскаяние, и даже старалась не думать о моем спасителе, так как Гаюс мог прочесть мои мысли. Но он был увлечен собой и обвинениями, что веско закончил:

– Ты будешь сидеть под замком до полного выздоровления!

– Но, Гаюс, я же умру от скуки!

– Нет! – в его голосе послышалась злость, – Я сказал, нет!

Я попробовала в последний раз:

– Ну, Гаюс, хоть в библиотеку, под присмотром Аякса, пожалуйста.

Сверкнув на меня глазами, так, что мои кишки упали ниже кровати, на которой я сидела, ответил:

– Ладно, но от Аякса ни ногой, – и, не взглянув на меня, вышел, в двери повернулся ключ.

– Хорошо, спасибо. – Крикнула ему вслед. И стало тихо. И в этой тишине прозвучал вздох, от которого я подпрыгнула на кровати, заставив мою ногу ответить резкой болью. Что-то мелькнуло в окне и опять стало тихо.

Сегодня день рождения Егора. Мы смылись с НХК всей компанией и завалились в пиццерию.

За столом главенствовали Егор и Зарина – наша красавица. Яркая девушка кавказских кровей. На ее счету не одно разбитое сердце, и даже по слухам одна попытка самоубийства. И честно, есть из-за чего помирать, огромные шоколадного цвета глаза с длинными ресницами, зависть всех особей женского пола в нашем университете, начиная с первокурсниц и заканчивая преподавательницами. Черные блестящие локоны, за которыми ухаживают в лучшем городском салоне красоты. Гибкая фигура, вылепленная в дорогом фитнес-центре и папа – владелец нескольких торговых центров. В довершение дорогущая машина, которую папа подарил на день рождения, но с личным шофером, являющимся по совместительству и телохранителем, но подчиняющимся только папе. Мы были удивлены, что такая выдающаяся девушка учится у нас, а не в Сорбонне или Милане, но это оказалось в проекте, а в данное время она восседала рядом с Егором и принимала поздравления, предназначенные имениннику.

Как утверждала Наська, Зара сразу положила на него глаз, еще на первом курсе, хотя по сравнению с другими группами потока, у нас наблюдался явный перевес в мужской силе. Дизайнеры-графики были на две трети мужской группой, что не мешало нам всем дружить со всеми и конкурировать между собой в «творческих самореализациях».

Но Егор, почему-то оставался глух к чарам знойной красавицы.

Пир был в самом разгаре. Староста дизайнеров подсуежилась, и стол был заставлен бутылочками разных сортов, но на ура шла водка. Этот русский универсальный всепогодный продукт. К Французским и Итальянским винам, шампанскому, коньяку нужно подавать определенный набор продуктов для того, чтобы раскрыть вкус и букет напитка, даже к пиву немцы подают знаменитые баварские колбаски и курей гриль. У русских раньше подразумевались раки, сейчас же сушеные рыбки. А к водке можно подать что угодно, салат, тушенку, чипсы, бутерброды, бананы и даже корочку хлеба. Причем, чем беднее закуска, тем больше оптимизма, после каждого выпитого глотка. Ей не нужны ни какие специальные продукты, раскрывающие ее вкус, а она в свою очередь раскрывает души.

Я очень люблю такие праздники в нашей компании, дни рождения, окончание сессий, именины. За столом в окружении своих, все становятся другими, веселыми, раскованными, некоторые загадочными, некоторые игривыми. Уходит собранность, деловитость, дух соперничества, все становятся настоящими, живыми.

Во и сейчас взрыв хохота раздался на левой половине стола, где сидела вторая красавица нашего курса Королева Марго или, как ее за глаза называли недоброжелатели «Барби», а по паспорту просто Маргарита Поплавская. Хотя почему я назвала ее второй красавицей, тут уж на любителя, Марго и Зарина полные противоположности. Марго высоченная блондинка с голубыми глазами, выразительным ртом и королевской осанкой. Еще школьницей она подра-

батывала моделью на показах мод. Ей даже пророчили яркое будущее, но из-за вечных диет она попала в клинику, еле выкарабкалась и теперь решила заняться модельным бизнесом не как демонстратор одежды, а как создатель, модельер. И надо сказать у нее это получалось здорово. Если Зарине, будущее обеспечивали папины деньги, то Марго опиралась на приобретенные ранее связи, а также чувство стиля и цвета. Сшитые ей модели, студентки университета рвали друг у друга из рук.

Хохот прекратился, и посыпались колкие замечания и предположения, разговор, как всегда шел о мальчиках, а точнее, как надо выбирать себе мужа. Мнения разделились. Зара отстаивала точку зрения, что мужчина должен быть богатым, чтобы содержать семью и выполнять любые прихоти молодой жены. По мнению Марго, партнер должен состояться как личность, но при этом не мешать, жене развиваться, не подавлять ее своим авторитетом. Мужская половина нашей группы не поддержала ни ту, ни другую, а стала с жаром доказывать, что женщина должна создавать уют творческому человеку, который при этом становится состоявшимся и состоятельным. Дискуссия, подогретая русским напитком, втянула всех.

– А ты, как видишь вторую половину?

Я подняла глаза, Егор зацепил свободный стул и присаживался рядом.

– По твоей реакции я понял, что ты не поддерживаешь никого из здесь присутствующих.

И хотя он говорил в полголоса, шум за столом начал стихать и глаза всех присутствующих обратились в нашу сторону.

Я пожала плечами:

– Другом.

– И все? – он был явно разочарован моим ответом.

– Смотря, что ты вкладываешь в это понятие, – парировала я задетая, а он, наклонившись к моему уху, спросил:

– И много было у тебя друзей?

Вопрос был какой-то странный и двусмысленный, но заставил меня задуматься. То, что Настюха моя подруга, а не просто соседка или свита, я могла не говорить, мы были очень близки. Но, задавая вопрос, Егор имел ввиду, не подругу, а друга. Нет, парня у меня не было, или был... давно... был.

Филипп. Его я вспомнила сразу. Черноволосый красавец, откуда-то из Италии. Если бы я не была влюблена в моего Седрика, я бы увлеклась Филиппом. Он был благороден не только по крови, честен, насколько это позволительно для вампира. В нем не было той агрессии и бессмысленной жестокости, которой наслаждался мой братец. Но один главный недостаток лично для меня перечеркивал многое: Филипп был до неприличия красив. Возможно, это когда-то и послужило причиной, что его еще ребенком забрала себе его мать Ядвига. А он к тому же оказался умен, благороден. Его будущее было определено, после совершеннолетия, он перешел в Темный мир и стал наследником могущественного клана.

Его клан более древний, чем наш. В замке говорили, что семья Аарона берет начало от тех, кто появился раньше людей. Интересно, а чем они питались, и почему потом переключились на людей? Что, поймать легче?

Я помню их первое появление в нашем замке.

Вечером в сумерках, когда по всему замку горели факелы, я сидела на стене у западной башни замка, провожая последние лучи солнца, и услышала топот коней, крики приказов, скрип открываемых ворот. По стене я понеслась, посмотреть, кто приехал.

В наших краях редко бывали гости. Конечно, мы принимали визиты ближайших соседей, чтобы сохранить видимость человеческого существования, но обычно днем и под стро-

гим контролем Гаюса, что бы не случилось кому-то из гостей попасть на ужин. Меня не куда не вывозили. Я росла среди вампиров, под строгим руководством Шарлотты, жены Гаюса утром и вечером. А ночью я находилась под защитой Аякса. Мы фехтовали, охотились, носились по лесу. Так, что жизнь у меня была вольная и веселая.

Пробежав по стене до восточных ворот, я свесилась вниз, разглядывая кавалькаду всадников. Все гости, несмотря на вид сверху, были высокими и мощными. Одетые в дорожную одежду, все равно смотрелись очень богато. Я давно не видела столь яркой публики, что решила спуститься вниз поскорее. На этой башне у меня была спрятана веревка. Перегнувшись через край стены, я начала медленно спускаться вниз, и спустилась почти наполовину, когда услышала крик Мадлен, служанки Шарлотты. Она звала меня, высунувшись из окна моей комнаты. Ее рев перекрывал все звуки во дворе. Я заметалась. Не хотелось, чтобы моя тайна с веревкой была раскрыта, подняться я не успевала, а спускаться надо было быстрее, и я просто разжала руки, рухнув вниз.

Приземление прошло более чем удачно, но шуму я наделала достаточно. Лошади гостей шарахнулись в разные стороны, а вокруг меня образовался круг из вампиров охраны с оскаленными зубами.

– Странно, я думала вампиры никого не бояться, – пробормотала я, отряхиваясь от прилипшего растительного мусора.

– Стоять! – произнес царственный господин, моложавый, с пушистой шевелюрой цвета верескового меда. Его властный голос превратил стражу в каменные статуи, – это всего лишь человеческий ребенок.

К нему уже выбежали наши слуги, беря его коня под уздцы, чтобы ввести на двор. Его слушались и слушали все. Его спутница, высокая, тонкая с вьющимися смоляными волосами до талии являлась в его окружении воплощением любви и грации, и её черные глаза с восторгом смотрели, то на царственного господина, то на молодого, с такими же, как у нее густыми черными волосами. Его благородное с правильными чертами лицо, как будто вырезанное из камня, не было удивленным. Он, как и все рассматривал меня, рухнувшую им почти на голову, но в его насмешливом выражении читалось, я же говорил. И завершала всю необычную компанию яркая рыжеватая блондинка, молодая только по годам, а не по высокомерному выражению, красивого лица. Ее можно было назвать очень красивой, если бы не хищно вырезанные ноздри и оценивающий взгляд карих глаз. В которых не было теплоты, а только жажда первенства, желание раболепного подчинения и поклонения. Она даже держала молодого брюнета за руку, тем собственническим жестом, коим замужние дамы демонстрируют в обществе своего увенчанного славой и богатством супруга. Он мой и только мой, смотрите и завидуйте. Но что удивительно, на ее невербальные сигналы реагировала только охрана Господина, что ж до остальных и черноволосой красавицы, то до рыжей ни кому не было дела. Взаимный осмотр подошел к концу, и я сделала шаг по направлению к гостям.

– Не бойся, девочка, они не тронут.

– Я не боюсь, – вздернула я подбородок.

– Почему?

Господин посмотрел на меня заинтересованно и все разговоры вокруг него смолкли.

– Не думаю, что вы меня испугались, чтобы натравить свою охрану.

– А если они голодны? – он рассматривал меня с интересом.

– Они не голодны.

– Откуда ты знаешь?

– Вампиры не охотятся без разрешения старшего, вампиры не охотятся на лошадях, вампиры не ездят в гости голодными, они питаются на своей земле.

– Ты много знаешь о вампирах – улыбнулся господин.

– Конечно, я здесь живу, – я полностью расслабилась, успев во время разговора привести себя в порядок, то есть одернула юбку, платье, запахнула на груди платок. И прошмыгнула в ворота следом за прибывшими под насмешливым взглядом молодого красавца и его высокопоставленной спутницы, которую он с уважением называл матушкой.

В коридоре меня поймала Мадлен и потащила к Шарлотте наряжаться в белое парчовое платье, в котором, я непривычная к завязкам, оборкам и другим дамским штучкам, уродующим тело, чесалась, как больная. И к тому же я должна была изображать скромную девицу, сидящую в комнате. Для кого были придуманы эти правила не известно, но более нелепого сочетания; я и скромность нельзя было придумать.

Пока я готовилась, Гаус принимал гостей в парадной зале, а Шарлотта руководила приемом и размещением остальных приехавших. Ко мне в комнату залетела возбужденная Мадлен и затараторила:

– Приехал старый Аарон, это основатель самого могущественного клана в наших землях, он приехал свататься...

– У него же есть жена.

– Да не сам, а своего сына и наследника Филиппа.

Служанка облизнула свои красные губы, как будто пробовала наследника на вкус:

– Он такой лапочка, – и она закатила мечтательно глаза.

– И на ком он хочет жениться? На тебе?

Она выразительно постучала себя кулаком по лбу. Некоторые слуги, которые знали меня с малолетства, иногда позволяли себе некоторое вольное отношение к человеку, но меня это не особенно заботило, став вампиром Высшего уровня, я автоматически становилась хозяином их жизни в прямом и переносном смысле, так что потом разберемся.

Потом Мадлен сложила руки на груди и взволнованным голосом произнесла:

– На тебе, конечно.

– Зачем, я не хочу, что я вам такого сделала?

– Так положено! – Мадлен, затянула на мне корсет, чуть не перерезав напополам шнуровкой, а когда я судорожно перестала втягивать воздух, довольна улыбнулась:

– Принцесса! Дельфина, поторапливайся, тебя ждут внизу, – и сунула мне в руки корзинку.

– Э-э-э. Тут что?

– Рукоделие?

– Что?!!

– Человеческие девушки в замках занимаются рукоделием, – она подумала немного и добавила с сомнением, – Шарлотта велела, – и подтолкнула меня к двери.

– Дьявол! С какого перепуга Шарлотта решила, что я должна заниматься рукоделием, да я его никогда в руках не держала, – вот с таким бухтением я шествовала по лестнице, держа в руках подол платья, который постоянно попадал мне под ноги и несчастную корзинку с полотном и нитками. Зачем Шарлотте понадобилось перед прибывшими гостями-вампирами выставлять меня человеком, которым я была только физиологически, а по воспитанию «дитя дикого леса», как называл меня Аякс. Или это образ, приправа, петрушка на баранине, которую собираются съесть. Дойдя до таких логических выводов, я резко остановилась. Мне очень не понравились мои выводы. С одной стороны, я жила в замке много лет, и ни кто меня есть, не собирався, а с другой, судя по суете в замке, прибыли очень важные гости, которые раньше нас не посещали, и я – десерт?

И вдруг за спиной послышалось дыхание. Я не услышала, а именно почувствовала, как пробежал прохладный воздух по разгоряченной коже, шевельнув волоски и край кружева на воротнике платья. И больше ни звука и ни движения.

– Аякс? – сказала я, чтобы предупредить, что затаившийся обнаружен. Что это не Аякс, я знала и чувствовала, он не так двигался и не так пах. Послышалось шуршание и смолкло. Кто бы то ни был, он выжидал. Я знала, что оглядываться и пытаться высмотреть вампира в полумраке, безнадежное дело, а что рядом со мной находился вампир и не наш, я чувствовала, нет, ощущала на подсознательном уровне. И срочно нужно было придумать, что делать. Наиболее правильно, поднять шум, Аякс услышит, спасет, сильнее моего хранителя нет вампира, но коридор пуст, а просто орать... Я медленно развернулась и прижалась спиной к каменной кладке стены. Снова послышался тихий шорох и смешок, который и разрешил все мои сомнения. Запустив корзинку с шитьем на звук, я со всех ног бросилась к выходу, но от неожиданного удара покатила по каменному полу. Надо мной нависло лицо рыжей красавицы из свиты гостей, приехавших сегодня вечером:

– Ха, ха, ха, – отчетливо произнесла она, – бедная человеческая пастушка запнулась. Может ее стоит пожалеть?

Я медленно поднялась, отряхивая платье и пытаюсь вообразить причину ее агрессии. До этого я встречала только одного вампира ненавидевшего меня, а именно моего сводного брата Альберта. Кровные родственники среди вампиров высшего уровня встречались очень редко. Жена Гаюса Шарлотта и ее сын Альберт

были родными, хотя и не были представителями Высшего уровня. Когда Гаюс увидел Шарлотту, она была женой французского вельможи, он влюбился и, убив ее мужа, сделал Шарлотту бессмертной. И ради ее любви, сохранил жизнь ее сыну, которого в свою очередь она обратила после его совершеннолетия. Но это довольно -таки редкие случаи. В основном союзы по личным предпочтениям, но с разрешения высшего совета. Семьи у вампиров создавались не на 5—10 лет, да и чувства были сильнее и крепче. Скорее всего, действовали законы не только человеческие, любовь, привязанность, уважение, но и законы древних хищников, о защите территории, статуса, семьи.

Невозможность иметь собственных детей компенсировалась возможностью большого выбора человеческого материала. Некоторые семьи забирали человеческих детей и растили их, как своих до определенного возраста, обычно до 18 лет, потом с разрешения высшего совета происходило обращение. Как это случилось со мной.

Моя семью жила на земле Гаюса, когда на нас напали бродячие вампиры и убили всех, охрана успела спасти только меня и соседского мальчишку. Который позднее погиб от зубов новообращенного вампира. А меня забрали Гаюс и Шарлотта, которые и стали моей семьей. Я уже давно жила среди вампиров и перестала их бояться. Может быть, сработало человеческое чувство пресыщения, когда человек долго находясь в экстремальной ситуации, перестает бояться совсем. А может быть, сработала логика: не съели сразу – не съедят вообще. Так, что страха я не чувствовала, только раздражение за испачканные руки и платье, за которое Шарлотта мне сделает выговор. Рыжая снова пододвинулась ко мне, взяла за плечо своими сильными пальцами и сдавила, усмехаясь:

– Что, совсем не боишься?

Я вывернулась:

– Что тебе нужно?

– То, что тебе не принадлежит – Филипп!

– Извини, по субботам не подаю! Вопрос не по адресу. Тебе нужно обратиться к Аарону.

– Но они выбрали тебя, – она взвизгнула, – ты чистая по крови!

Схватив меня за волосы, она обмотала их вокруг моей шеи:

– А что, если немножечко потянуть их... твое человеческое сердце перестанет биться.

Я со всего размаху треснула кулаком ей в глаз. Девушка дернулась и выпустила меня. Я отскочила.

Рыжая зашипела и начала медленно приближаться ко мне:

– Я с удовольствием выцарапаю твои серые глаза, которыми так восхищается Филипп! – она сгребла мне за кружева ворота и уставилась в глаза.

– А я расскажу Аяксу, и он оторвет тебе голову!

В глубине души я понимала, что убежать не смогу. Я несколько раз видела, как вампиры охотятся, не считая, конечно, смутных воспоминаний детства. Убежать, а тем более отбиться, у меня не было никакого шанса. Но я была человеком и хотела жить, поэтому ринулась к оконному проему, пытаясь обмануть нападавшую. Оставив у нее в руках клок кружев, врезалась в щит римского легионера, который недоуменно загудел, а торчащие из-под него в разные стороны мечи, тренькнули. Как и любом другом замке, украшением галерей служили выставленные в нишах доспехи рыцарей, алебарды и знамена, а по стенам развешано щиты и оружие, мечи, сабли, кинжалы, вперемешку с горящими факелами. Снова ощутив на своем плече железные пальчики прекрасной гостьи я подпрыгнула и сдернула на себя двуручную саблю гросс-мессер. И не важно, что вампира нельзя было убить простой саблей, но имея в руках ярд боевого железа, а за плечами несколько лет тренировок с хранителем, бывшим гладиатором, я чувствовала себя достаточно защищенной. Она перемещалась быстро, очень быстро, но неизменно перед ней оказывалось срезанное острие моей сабли. Отбиваясь от ее наскоков, я хвалила себя за то, что не схватилась за меч или алебарду, ими так долго не помашешь, руки отвалятся. Прыжок противника и золотой локон мягко приземлился на пол, еще прыжок и взметнувшийся подол переливчатого платья приобрел незапланированный разрез. Лицо красавицы, ранее прекрасное, исказила звериная злоба, ее нападения стали ожесточенней и в один миг, ринувшись ко мне, она оказалась насаженная на холодное оружие, как шелковый цветок на иглу Магдалены. Но ни единой капли крови не показалось из распоротой груди. Мы замерли, я от нерешительности, надо было вытянуть саблю, глубоко застрявшую в теле, что вызвало у меня гадкие чувства, и она от неожиданности, что я – человек, все-таки смогла ее «достать». Выставив клыки, она зашипела, и я выпустила саблю.

– Мое платье, – яростно прошептала вампирша, – ты испортила мое платье!

И схватив руками за эфес, с противным скрипом потащила клинок из тела. Дикость ситуации не отвлекла меня от мыслей по спасению, и, оставив раненную заниматься своим гардеробом, я помчалась дальше, к горевшему на подставке факелу.

Вампирша заметила мой маневр и, показав острые выступившие вперед клыки, резко дернула меня от окна. Пролетев несколько футов и ударившись о стену, ободрав руки в кровь, я, тем не менее, оказалась у цели: надо мной висел факел, освещающий коридор. Игнорируя боль от содранных рук, я прыгнула к факелу.

– Я убью тебя, мерзавка, – зашипела она, выталкивая слова, сквозь вылезшие, ослепительно белые зубы, влажно поблескивающие в свете огня. На руке, обращенной ко мне, красовались острые, загнутые, как у дикой кошки когти. Я не стала ждать ее прыжка и просто сунула факел ей в лицо. В пламени затрещали ее волосы, сливаясь с ним по цвету. Но больше я ничего не успела увидеть. Железная лапа, оцарапав мое горло когтями, вздернула меня над полом, прижав к стенке. И я задергалась, сбивая дыхание и теряя воздух, который вдруг перестал поступать мне в легкие.

Сколько я ни пыталась, я не могла оторвать ее холодные цепкие пальцы от своего горла. А она все сжимала и сжимала их. Воздух в легких закончился. В голове звенело, перед глазами поплыли огненные круги, в легких началось жжение. Из последних сил, я пнула своего врага, но услышала только ехидный смешок, который вдруг сменился звуками борьбы и отчаянным криком с последовавшим за ним ударом. Я рухнула на пол, но кто-то подхватил меня.

Но, ни до чего мне не было дела: воздух, мне нужен был воздух!

Глаза резало. В горле стоял ком не пропускавший воздух. Наконец, я смогла сделать вдох. Но вместо прохлады и успокоения этот глоток воздуха принес мне еще более жгучую боль в горле, заставил его саднить, а стон вырвался резким болезненным кашлем. Вот так, разры-

ваясь между вздохами и стонами, я лежала на полу в чьих-то руках. Неясно улавливая другие звуки или точнее сказать, голоса: один высокий и отчаянный, другой злой и властный:

– Но она не достойна тебя, посмотри какая она жалкая...

– Лукреция, вон из замка, возвращайся домой, сейчас же!

– Надо было убить ее...

Послышалось ужасное рычание:

– Замолчи, если тебя не порвет на куски Гаюс, то это сделаю я!

Очередной приступ кашля и из моих глаз хлынули предательские слезы. Стало немного легче дышать. Прохладные пальцы вытирали влагу с моего лица, я услышала дыхание у уха и шепот:

– Шшшш. Тише, все закончилось, ты очень смелая девочка, все будет хорошо.

Я попыталась открыть глаза: я лежала на полу, на руках чернявого гостя, с которым столкнулась у ворот замка вечером. Глаза у него были глубокие, затягивающие. Опасные глаза.

Так они из одной семьи! Я попыталась вскочить, но он без труда задержал меня.

– Тише. Давай я помогу.

Я дернулась и прохрипела:

– Я сама.

Шатаясь, поднялась. Черт, на что похоже мое платье! Шарлотта убьет меня. На руках запеклась кровь, волосы были растрепаны. Я кое-как привела себя в порядок. В течение всех моих манипуляций вампиры молча, смотрели на меня, чернявый с интересом, а рыжая с ненавистью. Наконец я выпрямилась и вздернула подбородок.

Незнакомец, осмотрев меня с ног до головы, улыбнулся.

– Ну, вот, ты уже в порядке, не бойся, тебя никто не тронет. Тебе лучше вернуться в комнату и переодеться.

Я уже продышалась, но злость моя не выветрилась.

– Пока здесь не было тебя и твоей подружки, меня и так никто не трогал! – прохрипела я большим горлом.

Из угла послышалось шипение. Чернявый гневно повел бровью, и моего врага, как ветром сдуло, потом повернулся ко мне, на его лице проступило сомнение:

– Я думаю, мне стоит тебя проводить.

– Мне все равно, – я не собиралась сдаваться, – иди куда хочешь!

И направилась в башню к Шарлотте. Вампир почтительно шел чуть сзади меня. Дойдя до двери, я глубоко вздохнула, нагоняй за внешний вид мне обеспечен, и не ошиблась. Увидев меня, Шарлотта потеряла дар речи:

– Дельфина, ты...

– Шарлотта, – спаситель выступил из-за моей спины, хотя по росту был намного выше.

– Филипп?! – Шарлотта и служанка, опустив глаза, почтительно склонились, – рада видеть Вас. Вы не ошиблись дверью? Гаюс и Ваш отец сейчас внизу, в большой зале.

– Прошу меня простить, я так хотел засвидетельствовать Вам свое почтение, что нечаянно сбил с ног вашу подопечную!

Я стояла, как громом пораженная: так это Филипп, за которого мне предстояло выйти замуж! Этот хлыщ! Да он еще и врет, защищая свою подружку! Я повернулась к нему в ярости: но натолкнулась на внимательный, с ленцой взгляд. Руки мои расслабились, тело обмякло, меня вдруг заинтересовали ночные бабочки, выющиеся вокруг лампы. Развернувшись, я медленно села в кресло.

– Дельфина! – донесся до меня возмущенный голос моей матери.

– Не трогай ее, у нее шок, она больно ударилась... Мое почтение...

Легкий ветерок.

– Извини, – прошелестело рядом, и легкая ухмылка, – мне пришлось это сделать, я испугался, что ты порвешь меня на кусочки...

Переодевание заняло меньше времени, чем восстановление душевного спокойствия. Но когда приготовления были закончены, я спустилась вниз в главный зал.

Вместе с Гаюсом там находились еще несколько гостей, представительный мужчина, глава клана Аарон, который остановил вампиров готовых убить меня, перед воротами замка, мой недавний защитник и наследник клана Филипп, и жена Аарона, красавица – Ядвига.

При моем появлении они прервали беседу. Я приблизилась, как учила Шарлотта присела, подобрав юбки и склонив голову. Поднялась и, сложив руки за спиной, замерла в ожидании.

Женщина обошла меня кругом, разглядывая. Но в ее взгляде не было, ни чего обидного, ее черные глаза были добрыми и лукавыми.

– А, она – красавица! – произнесла она, с улыбкой обращаясь одновременно и к Аарону, и к Филиппу.

Ее сын широко ухмыльнулся:

– Матушка, не смущай Дельфину, хотя, – он хитро взглянул на меня, – девушка она явно неробкая.

Сразу вспомнилось сегодняшнее приключение в коридоре, от возмущения я сжала кулаки, и содранные ладони сразу же напомнили о себе резкой болью. Я поморщилась, с удивлением замечая сострадание на лице молодого вампира, которое на минуту вдруг стало сосредоточенным, и моя боль стала быстро уходить.

Ядвига, стрельнув глазами на своего сына, громко хлопнула в ладоши, от чего вздрогнули языки пламени свечей на столе:

– Да, – громко сказала она, – эта девушка, то, что нужно.

Она радостно, как мне показалось, подмигнула сыну, который сделал удивленные глаза. Я с интересом приглядывалась к нему диалогу, пытаюсь разгадать смысл тайных жестов.

А мой отец Гаюс обращаясь ко мне, очень торжественно произнес:

– Дельфина, Глава клана Аарон, оказал нам честь, он просит твоей руки для своего сына и наследника – Филиппа.

Я открыла рот, подыскивая в голове какие-то слова, но Ядвига меня опередила:

– Да, – снова громко сказала она и повторила, – Да!

Время обеда. Нормальные люди давно видели сны, а в гипермаркете глубокая ночь – это обеденное время. Настюха посмотрела на часы:

– Еще 15 минут и пойдем...

– Что? – Я оторвалась от созерцания журналов в прикассовой зоне. Центр торгового зала и кассы довольно далеко друг от друга, но я хорошо видела не только фотографии на журналах, но и текст. Панорама – Любимый журнал питерцев...

– Я сказала, еще чуть-чуть и есть пойдем, терпеливо повторила подруга, привыкшая за последнее время к моему выпадению из реальности.

– Может, выложишь до конца, – она кивнула на коробки, – а я за едой? Ты что будешь?

Полностью сосредоточившись на зубной пасте, я начала соображать: хлеб – безвкусный, грубый, как наждачная бумага, овощи и фрукты скользкие, противные, с кусачим соком. Мясо? Но оно жесткое, и что бы получить достаточно калорий его нужно съесть очень много, и потом, оно начинает шевелиться в желудке. Может, молоко? Оно приятное, но тоже пустое, от него есть хочется еще больше.

– Юль, я беру круассаны и салат, а ты?

– Детское питание.

– С фруктами, овощами? В них мясо пресное, они же без соли.

– Нет, порошок, сухую смесь в железных банках.

– Хорошо, – она приняла мою заявку, хладнокровно, несмотря на то, что кошелек у нас общий, а мой обед обошелся раза в 2 дороже.

Нет, правильно, что я с ней встретила. Не будь таких людей на земле, как моя Наська, добрых и заботливых, жизнь быстро бы закончилась. Остальные бы просто сожрали друг друга.

Мы поднялись в столовую, и она торжественно поставила передо мной железную банку «Нан», детского питания от 6 месяцев:

– Приятного аппетита, – и с воодушевлением занялась грибным салатом. Сняв герметичную крышку, я воткнула ложку в порошок, который взлетел над банкой белым облаком и осел на стол. Сидевшая напротив Наталья из отдела посуды громко чихнула. Я же, высыпав ложку себе в рот, захрустела, но смесь, собравшись о большой вязкий комок, налипла на зубы, язык, залепила горло и не глоталась, совсем. Я могла только тихонько дышать, но не проглотить, ни выплюнуть смесь не могла. Настя молча поставила передо мной кружку с горячим чаем.

– Это разводить нужно, она же, как пластилин, ты, что не знаешь?

– Нет, – выдавила я, наконец, отдышавшись, – а ты откуда знаешь?

– У меня племянников трое и все искусственники. Так что или запивай, или разведи в кружке, как жидкую кашу, тебе помочь?

– Ты ей лучше титьку дай! – заржал рыжий водитель погрузчика и закашлялся, получив пластиковой бутылкой с кефиром по зубам. Все засмеялись, радуясь развлечению.

– Да, я, да, ты – он поднялся со стула...

– Сядь – осадил его начальник торгового зала, – а с тебя штраф, после смены подойдешь, – это уже мне.

Я бухнула в кружку одну, потом вторую ложку смеси, показалось жидко, добавила еще одну. Весь стол восемь человек с интересом наблюдали за моими манипуляциями. Я попробовало, тепло, питательно, жевать не нужно. Сойдет.

– Эй, подруга, – кассирша Тоня, облизывая ложку после торта, – а у тебя зубы не атрофируются после такой еды?

– Нет, – улыбнулась я во все триста шестьдесят три зуба, глядя ей в глаза.

Она поникла и отодвинулась вместе со стулом.

– Ты чего, – толкнула меня в бок Настя.

– Я, ничего, я кашу ем, хочешь?

Она сморщилась:

– Ты мне лучше...

– Шоколадку предложи, – закончила я за нее, и мы завершили обед на оптимистической ноте.

Гости подъезжали уже дня три. И сегодня все собрались в главном зале нашего замка. Для этого торжества зал украшали художники, приехавшие из Багдада по приглашению Аарона. Стены расписали красивым растительным орнаментом. Изображенных растений не было в наших холодных краях, и я с интересом следила за работой художников, вызывая опасение Аякса, что могу свалиться с лесов. Огромные окна задрапировали красивыми тканями так, что любые вампиры могли находиться в помещении в любое время суток, не боясь попасть по лучи солонца. Каменные полы покрыли пушистыми коврами, привезенными с востока, и казалось, что ступаешь не по ворсу ковров, а по мягкой весенней травке. Факелы на стенах и свечи в подсвечниках сделанные из старинного золота, привезенного из Перу, начищенные до блеска,

расставленные на столах и каминах, сверкали не хуже, чем украшения на шеях и запястьях присутствующих.

Когда я одевалась к торжеству, в дверь моей комнаты постучали, Мадлен сделала удивленные глаза, кто бы это мог быть? Почтенно склонив голову, вошел жених собственной персоной. Мадлен, повинуясь неслышимому приказу, испарилась. Делать безразличное или злое лицо было поздно, так что я просто сидела и смотрела на него.

– Позволь выразить свое восхищение твоей смелостью, выдержкой и благородством. Я поражен самообладанием человеческой девушки и на правах будущего супруга прошу принять подарок ко дню нашего обручения.

Он открыл ларец, который держал в руках. На черном бархате лежало ожерелье из крупных белоснежных жемчужин, по несколько нитей были скреплены золотыми раковинами, внутри светящихся бледно-голубыми камнями. Удивления я не выразила, вампиры любили красивые ювелирные украшения, я с детства перебирала ларец Шарлотты, цепляя на себя кольца и подвески. Но таких красивых камней я не видела, поэтому протянула руку и провела пальцами по сверкающей весенним небом грани. Филипп, стоящий в ожидании моего ответа, заулыбался:

– Я очень надеялся, что оно тебе понравится, эти камни специально привез из Африки, они похожи на твои глаза и называются аквамарины, позволь?

Он, взяв ожерелье одной рукой, подошел сзади и обвил мою шею прохладным жемчугом. Я была вынуждена приподнять волосы, и почувствовала на шее нежное прикосновение холодных рук. И больше ничего. Нервный озноб пробежал по плечам и спустился вниз по позвоночнику. Я передернула плечами, спеша развернуться к гостю лицом. Он удивленно приподнял брови:

– Не бойся, я не обижу... – Он стоял передо мной, извиняясь взглядом.

– Я не боюсь, – буркнула я, пряча глаза.

– Тогда...

– Ты просто дыши, странно за спиной чувствовать кого-то, и не слышать дыхания.

– Извини, – он медленно по-человечески обошел меня и стал застегивать ожерелье. Его прохладное дыхание пробежало по шее, по затылку, а взгляд опустился на спину, проникая сквозь кожу и скелет к самому сердцу. И оно, почувствовав этот взгляд, попыталось скрыться на другую сторону, приведя в движение все остальные органы. Дыхание сбилось, воздух рывками входил и выходил их легких, в глазах поплыли звезды...

– Дельфина! Дельфина очнись... – Филипп усаживал меня на стул, – открой глаза, посмотри на меня.

– Ну, уж нет! – зарычала я, пробуя подняться. Меня качнуло, но крепкие руки не дали упасть. – Пусти, я сама!

– Хорошо, – он был сама покорность и сделал шаг от стула. Мое дыхание выровнялось, я встала. Руки немного тряслись, но, теплая волна, пришедшая откуда-то, взбодрила меня и помогла собраться. Я внимательно посмотрела на вампира, но он был бесстрастен, как всегда. Задрав подбородок и одернув платье, я несколько раз сжала и разжала кисти рук:

– Я готова, мы можем идти.

Он учтиво открыл дверь:

– Прошу.

От гостей я была в полном восторге, рассматривая их внимательней, чем полагалось по правилам хорошего тона, и они не отличались от меня, оглядывая и выражая почтение мягким кивком, но в темных глазах высших светилось любопытство.

Мужчины – вампиры выглядели благородными и сильными. И довольно молодыми внешне. Явно хищное выражение проступало только у моего брата Альберта, который, не являясь вампиром Высшего уровня, был допущен на мероприятие, как сын главы клана, и Аякс,

который выдерживал дистанцию между мной и другими и постоянно находился в состоянии готовности. Хотя нападать на меня никто не собирался, но служба – есть служба, Хранитель обязан быть рядом.

Женщины блистали красотой, все без исключений. Многие из них были молоды, но и у тех, кто постарше возраст не превышал тридцати лет. Одежда женщин отличалась от той, что я видела на людях. Не затянутые в корсеты, вампиры не носили многоярусные тяжелые юбки, а их свободно ниспадающие платья, не сковывающие движений, обрисовывали великолепные тела и дополнялись дорогими ювелирными украшениями из драгоценных камней и металлов.

Но самой красивой была мать Филиппа Ядвига. Эта яркая брюнетка совместила в себе все, что может вызывать восторг, огромные черные сверкающие глаза, но выражение этих глаз не хищное, а лукавое. Прямой нос, четко очерченные высокие скулы, но мягкие пухлые губы, и если бы не гордая осанка, сильного гибкого тела, я бы постоянно держала бы ее за руку, чувствуя в ней матушку. Как мне показалось, Филипп испытывал к ней такие же чувства, но к этому еще прибавлялось его восхищение и гордость мужчины, находящегося в ореоле своей женщины.

На мне тоже было легкое платье из восточного шелка, ярко синего цвета, а на шее ожерелье – подарок Филиппа к обручению.

Я прогуливалась среди гостей, рассматривая общество, в которое мне скоро предстояло войти, когда меня обжег чей-то взгляд. Рыжая, ну, конечно же, подружка жениха, Лукреция. После происшествия в коридоре, она не приближалась ко мне, боясь моих телохранителей, постоянно меня сопровождавших, Аякса и Филиппа. Я была единственным человеком, и мое присутствие вносило некоторое напряжение в ряды вампиров, но вид возвышающегося надо мной Аякса, охлаждал любые аппетиты. А присутствие Филиппа объяснялось совсем просто, после сговора Аарона и Гаюса, мы были обручены, считались женихом и невестой. Об этом должен был объявить Аарон на торжественном вечере.

Таким образом, у меня было два охранника, которые скорее были торжественной свитой, чем охранниками. Трудно было себе представить себе вампира, захотевшего перекусить невестой, готовящейся к обращению. У них этот ритуал вызывал глубокое уважение. И я своей человеческой душой слышала, что почти все гости настроены очень доброжелательно, а уж провести Филиппа не удалось бы никому. Мы двигались среди гостей, Филипп, как флагман, впереди направлял движение, и если хотел на что-то обратить свое внимание, то оборачивался и говорил:

– Обрати внимание на... – или – ты слышала... – и далее следовал краткий, но интересный рассказ о том или ином представителе рода.

Если же кто из гостей хотел обратиться ко мне, Филипп как бы случайно оказывался немного между гостем и мной.

Один раз, пытаясь привлечь мое внимание касанием руки, но, видя, как я напряглась, почувствовав холод его руки сквозь ткань платья, оставил попытки, предпочитая направлять словами.

Замыкал шествие Аякс, подчиняющийся ранее только Гаюсу, сразу же при появлении моего «жениха» признал его превосходство, и, совершая то или иное действие, спрашивал разрешение у Филиппа. Меня это рассердило, и, дернув мою бывшую «няньку» за рукав, прошептала:

– Предатель.

Но, видя удивление Филиппа моим поведением, отошла от своего друга и перестала обращать на него внимание. А увлечься было чем.

Наблюдая за присутствующими, я озадачилась их общением. Гости – люди, которые бывали у нас раньше, беседовали сидя за столом во время обеда или прогуливались под руку

по залу. Вампиры же общались все вместе, возникая друг перед другом, перетекая из компании в компанию, мгновенно останавливались, чтобы произнести фразу, и растворялись. Один и тот же собеседник мог находиться во многих местах сразу. Временами казалось, что в зал ворвались несколько миниатюрных торнадо, но временами они замирали, слушая чье-нибудь важное замечание, и создавалось ощущение, что находишься в саду со статуями.

Меня поразили звуки, наполнявшие зал, они были разные по высоте, по скорости, по тембру, но это звучание нельзя было назвать какофонией. Оно не резало слух, а как бы гармонично вливалось в тебя. Это напоминало легкое щебетание птиц в лесу, не различая отдельно каждую птицу, ты наслаждаешься их пением, или журчание ручья, неслышимый звук, издаваемый каждой каплей, создает неповторимое пение воды. Для меня гости, конечно, делали исключение, отвечая на мои вопросы, застывали рядом со мной и говорили достаточно медленно своими певучими голосами, по высоте и звучанию удобными для моего человеческого восприятия.

В общем, было весело и очень интересно. Даже не смотря на небольшой инцидент. Проходя мимо группы молодых вампиров, Филипп сильно задвинул меня за спину, чуть не сбив с ног, и тут же рядом с ним возник Аякс, загоразивая меня. Вампиры попятнулись и с извинениями переместились в самый дальний угол зала.

– Филипп, что случилось? – я подергала его за плащ.

– Ничего, не бойся, просто они были удивлены, что ты еще человек...

– И захотели меня съесть?

– Нет, они были удивлены обрядом: обручение с человеком, обращение, и свадьба с вампиром.

– Да, мне тоже интересно, почему так?

Но ответить он не успел, я увидела странную девушку. Она была похожа на меня цветом, разве что моя человеческая кожа была более живого оттенка, но глаза, волосы... Если мое отражение немного вытянуть вверх, то получилась бы копия. Я протянула руку, чтобы привлечь внимание Филиппа, но он уже повернулся готовый меня выслушать. И моя начавшая движение рука, замерла,

– Филипп.

Он накрыл мою руку своей:

– Что?

Искры, бегущие от ладони к шее, напомнили мне зимнюю стужу. Я высвободила руку и спрятала ее за спину:

– Это кто? – кивнула в сторону незнакомки.

Он вдруг открылся и широко улыбнувшись, позвал:

– Элаун! – мгновение и девушка замерла перед нами.

– Позволь тебе представить – Элаун, сестра моего друга и Высшего Ларо. На нашем празднике она представитель Западного Водного клана.

– Элаун, познакомься, моя невеста Дельфина и в скором времени Высшая.

Она была выше меня на голову и внимательно рассматривала меня сверху, но во взгляде ее серо-голубых глаз читалась, как и у всех доброжелательность. Но было еще и изумление. Она что-то быстро сказала Филиппу, ее голос оказался высоким и певучим, и на мой слух получилось, будто она пропела ноту. Он так же быстро ответил, кинув на меня внимательный и тоже удивленный взгляд. Тогда она вежливо склонила голову.

– Дели, я очень рада вашему обручению, и тому, что ты скоро присоединишься к нам. От моего брата Ларо и всего клана желаю вам любви и вечности.

И хотя ее слова напомнили мне о том, о чем я старалась не думать, об обращении, которого я совсем не жаждала. Я не обиделась, потому что своим девяносто девятым чувством поняла, она искренне рада.

– Мой брат не смог приехать к вам на праздник, дела Совета, но как освободится, он вас обязательно навестит.

Когда я выразила желание присесть, Филипп устроился рядом за моим стулом, Аякс же, присел на ступеньках у моих ног.

– Почему она удивилась, увидев меня?

Филипп наклонился ко мне, и от его дыхания затрепетали прядки волос на правом плече:

– Ты заметила?

– Что ее удивило, по-моему, все знают, что я еще человек?

– Ее удивила твоя внешность. Она сказала, что ты не похожа ни на кого из нас.

– Это же нормально, вы – вампиры, я – человек.

– Нет, она говорила про внешние черты, цвет волос, разрез глаз, ты ближе к ней вампиру, с другой стороны океана, чем к нам или людям по эту сторону океана.

– Да, я заметила, и что она сказала?

– Что, она обязательно о тебе расскажет Ларо и...

– Дамы и господа, высочества и светлости, – Аарон торжественно поднялся со своего кресла на возвышении. Он поклонился Гаюсу и Шарлотте, восседающим тут же. Поцеловал руку, сидящей рядом с ним на почетном месте Ядвиге:

– Настало время объявить причину нашего торжества. Скоро младшие представители наших кланов сочетаются законным браком, для поддержания и укрепления рода вампиров, детей Отца нашего.

По знаку Аарона, я и Филипп поднялись к нему на подиум, а гости шумно зааплодировали. А Аарон продолжал:

– Мой сын Филипп займет мое место, Главы клана, а «посвященная» Дельфина – дочь Гаюса и Шарлотты после обращения Сердцем Дьявола обретет кровь Высшей и статус супруги главы клана. Пожелаем им Любви и вечности!

После того как Аарон сказал, что мне предстоит стать Высшей, интерес достиг пика, глаза всех без исключения вампиров в зале обратились на меня, и я почувствовала себя стоящей на пути бури, как будто вся сила ветра и воды обрушилась на меня. Буря не бывает злой или жестокой, она стихия, и можно переждать ее в укрытии, а можно оказаться без крыши над головой, и она все равно будет крушить и ломать, что в нее попадет, не испытывая ни каких эмоций. Я собрала всю свою волю в кулак, не упасть, не испугаться. Энергия, обращенная на меня, была сильной, но не агрессивной, скорее доброжелательной. А встретившись глазами с Аяксом, Гиемом, застывшим у дверей, сегодня он руководил приемом, и почувствовав мягкое прикосновение Ядвиги, я даже сделала попытку улыбнуться. Гости оценили мои попытки, выглядеть достойно, и зал снова взорвался аплодисментами. Под гром оваций Филипп надел мне на палец перстень, уменьшенную копию его принадлежности к клану. Свой он получил из рук отца Аарона, а мой раньше принадлежал Ядвиге.

Показалась вереница слуг, несших золоченые бокалы на подносах. Приторно-сладкий пепельный запах наполнил зал. Конечно, чем же еще вампиры могут запивать торжества, только кровью. Филипп с учтивой улыбкой подал мне бокал, внутренне содрогнувшись, я заглянула во внутрь, – родниковая вода. Уф, и на том спасибо, он осуждающе покачал головой.

– Поздравляю, детка, – Ядвига взяла надо мной шефство. И хотя, Шарлотту я считала своей матерью, но по сравнению с матерью Филиппа, она была холодной и равнодушной. Ядвига объяснила мне, что кровь подается на торжествах в бокалах, чтобы подчеркнуть не агрессивность по отношению к людям.

Пока гости наслаждались угощением, я рассматривала перстень, надетый мне Филиппом.

– Нравится? – Ядвига улыбалась.

– Немного хищный, – мне не хотелось ее огорчать, но, очутившись на моем пальце, он обхватило его плотно, и красный алмаз перстня засверкал торжествующе, как будто наполнился свежей крови.

– В семье существуют только два перстня клана, передающиеся по наследованию, перстень Главы клана, и его супруги, если она является Высшей, если нет, то женский перстень в сокровищнице клана будет ждать следующую наследницу. В этих кольцах заключена сила Сердца Дьявола, которая поддерживает связь Главы клана с самим Сердцем.

– Вы отдали свои кольца, а что останется у Вас?

– После твоего обращения мы уйдем.

– Далеко?

– Да, порядок и равновесие должны существовать и поддерживаться, – она грустно улыбнулась. – Если приходит новое, старое должно покинуть. И до меня дошло, куда они с Аароном уйдут. Я всхлипнула и прижалась к ней:

– Я буду скучать.

Филипп, Ядвига, ближайšie к нам гости с удивлением уставились на меня. У вампиров сильные чувства и привязанности, но что бы обниматься, а если ты еще и человек? Своим поведением я дала новую пищу для обсуждения.

Что бы не демонстрировать залу слезы я снова занялась перстнем, рассматривала и обнаружила надпись на непонятном языке. Буквы текли и переплетались, напоминая арабскую вязь с фолиантов из библиотеки Гаюса.

– Здесь что-то написано...

– Да, на языке атлантов, девиз клана, «Любовь и вечность».

– Любовь и вечность, – повторила я, – а еще, какие есть?

– У Моргона, – «Власть и вечность»

– Похоже, – я хмыкнула и пояснила, – он считает себя самым важным и главным.

– Обрати внимание на ту девушку, рядом с Гаюсом, с рыжими волосами, на ее кольце девиз «Красота и вечность»

– Это значит, она самая красивая? И не правда, самая красивая здесь ты, Ядвига.

– Спасибо, детка, – Ядвига улыбнулась мне и нежно коснулась, посылая заряд любви.

Мимо нас, поздравив, прошел вампир с мощным торсом и руками, напоминаящими кувалду кузнеца, он был даже больше моего Аякса. Не трудно было представить, как он одним щелчком может раскрыть окованные железом ворота замка или отправить через стену несколько дюжин вампиров. Мои предположения оказались недалеко от истины,

– На перстне его клана надпись гласит «Сила и вечность». – Наклонившись к ко мне сзади прошептал Филипп. По спине сразу же побежали мурашки, и я вздрогнула. Ядвига строго взглянула на него, но его ответный взгляд только выражал, – А я что, я ничего

Тут к нам приблизилась, именно приблизилась, так как вампиры передвигались легко и скользко, только я ходила шагами по залу, обладательница шикарной каштановой копны волос. И если бы не черные сверкающие глаза Высшей, придающие ей дикий вид, я бы назвала ее красавицей.

– Это Белатрисс, Глава Ирландского клана, – представила ее Ядвига, после чего они очень доброжелательно поприветствовали друг друга.

Белатрисс оглядев меня с ног до головы, сказала Филиппу:

– Ты оказался более быстрым, чем мой Танатас, и увел у нас из-под носа замечательную невесту. Мы рассчитывали, что Гаюс сговорится с нами, но он предпочел тебя. Но мы все равно рады, желаем вам любви и вечности, – и, наклонившись ко мне, поцеловала прохладными губами в висок.

– Счастья тебе Дельфина, встретимся на церемонии обращения.

И она исчезла. Я осталась слегка обалдевшей, может, на меня подействовал поцелуй Белатрисс, а может, быть было слишком многолюдно, хотя нет, многовампирно, а я росшая в лесу не привыкла к большому количеству гостей. Но мне вдруг стало нехорошо, перед глазами поплыли круги, я попыталась ухватиться за воздух, но последнее, что почувствовала, руки Филиппа и его рассерженное шипение.

Я открыла глаза и огляделась. Моя комната была погружена во мрак, на прикроватном столике мерцала одинокая свеча для меня, вампирам свет не нужен. Я лежала в бальном платье без обуви, и украшения тоже были сняты, чтобы дать мне возможность дышать? Слабость еще давала о себе знать, и я снова закрыла глаза и прислушиваясь к тихому разговору в комнате.

– Что она сделала, что хотела от Дели?

– Ты знаешь, Ирландцы на обращение готовят своего «посвященного», ей просто нужно было сравнить.

– И?

– Дели сильнее, не волнуйся, она пройдет испытание. А Белатрисс сделала слепок подсознания, видимо хочет проверить глубину ее любви к тебе, и попробовать изменить ситуацию в пользу Танатаса.

– И что?

– Ей не повезло, у девочки в подсознании нет никакой серьезной любви.

– Что значит серьезной?

– Так, небольшая детская влюбленность в человеческого мальчишку,...

– Ты знала, что она хочет сделать, и не остановила ее? – Филипп оскорбился.

– Незачем, наша Дели – девочка сильная, что ей один слепок, небольшое головокружение, зато теперь Белатрисс знает и всем расскажет, что Дельфина, настоящая Высшая по крови, у нее чистые помыслы, незамутненные гипнотическим воздействием Аарона или Гаюса, желанием власти и могущества.

– Из-за того, каким образом ее воспитывал Гаюс, я вообще сомневаюсь, что, у нее есть что-нибудь в голове. Кролик, узнает, что он блюдо, поданный на стол на нарядном блюде, а учить его французскому вовсе не обязательно.

– Не преувеличивай, природная смекалка и наблюдательность подскажут ей, как выжить, а ты помоги ей наверстать упущенное.

Филипп опять зашипел, как рассерженный кот, я вздрогнула.

– Тише, – Ядвига одернула сына, – ты ее напугаешь, она пришла в себя.

Ко мне подплыли две тени, Филипп остановился в ногах кровати, Ядвига присела на край и взяла меня за руку:

– Дельфина, девочка, как ты себя чувствуешь? Голова сильно кружится?

– Нет, совсем не кружится, я хочу встать. Филипп протянул руку, но я проигнорировала ее, не желая почувствовать токи, исходящие от него:

– Я сама.

Ядвига улыбнулась сыну и прошептала:

– У Белатрисс ничего не выйдет, девочка слишком независима.

Наверно ее сообщение понравилось вампиру, потому что на его лице мелькнула тень улыбки. Мы спустились в зал. Все деликатно сделали вид, что ничего не произошло, и праздник продолжался.

Ночью я подскочила от громкого звука, кто-то со скрежетом продирался под моей кроватью. Волосы на голове зашевелились. Звук был омерзительным, страшным. Сразу вспомнились кадры из фильмов ужасов, открывающаяся дверь в преисподнюю и ползущих из нее тварей.

Подскочив с воплем, я метнулась к выключателю. Вспыхнувший свет заставил Настю недовольно заворчать и полезть под подушку. Звук сразу же прекратился, но стоило мне сделать шаг по направлению к кровати, как возобновился с большей скоростью и громкостью. Не выдержав, я прыгнула к кровати и одним рывком выдернула ее на середину комнаты. От этого грохота подскочила Наська, уставившись на меня сумасшедшими со сна, глазами. По участку пола, бывшему ранее под моей кроватью, резво удирал таракан, производя шум, сравнимый с шумом груженого состава.

– Вот, черт! – проорала подруга, хотя лицо ее оставалось совершенно спокойным, – опять дихлофосить надо.

Поднявшись с дивана и прошлепав розовыми пятками по полу, тапком треснула не успевшего спрятаться нарушителя сна. Все ее движения сопровождал невыносимый скрип, шлеп. А от удара тапком об пол и треска раздавленного панциря, у меня чуть глаза не выскочили, хотя я зажала уши, зажмурилась и открыла рот. По-моему, стало легче. Но подруга не унималась. Она потрясла меня своей огненной рукой и снова заорала:

– Вот уж не знала, что ты тараканов боишься, иди, ложись на мое место.

Переставляя ноги, как каменный человек, под которым скрипели и трещали полы, она бухнулась на мою кровать и задыхалась, как вулкан. Я на цыпочках прокралась к выключателю. Но звук раздался точно выстрел, я подпрыгнула и упала на диван, загудевший как барабан от моего приземления. Ночь наполнилась звуками. Оказывается, вся сантехника дома давно пришла в негодность. Все краны и бачки, которых, я насчитала 48 и 96, протекали, и вся вода с шумом бежала по трубам, создавая впечатление, что в доме идет дождь. А еще наш дом был населен кошками, собаками, было несколько домашних крыс, хомячок, попугайчики, рыбки. По кухням бегали тараканы, в теплом подвале резвились мыши. Но самые главные обитатели – люди, оказались самыми шумными, они бормотали, смеялись, стонали, пили пиво, смотрели футбол, занимались любовью и выясняли отношения. И все это ночью.

К звукам «спящего» дома прибавлялись звуки проезжающих машин, летящих самолетов в Пулково и обратно, уличных собак и кошек, лошадей в Пулковской конюшне, ветра и пакета запутавшегося в кустах, которым он шуршал.

Моя голова пухла и вибрировала от звуков. Накрываться подушкой было бесполезно, даже в ней находились источники звуков, копошащиеся сопрофиты. Усевшись по-турецки на Наськином диване, я начала раскачиваться из стороны в сторону, стараясь привести в покой разбушевавшиеся нервы. Подруга спокойно дрыхла на моей кровати, выдернутой на середину комнаты, дыша громко, но спокойно, словно набегали огромные волны одна на другую. Зажатая стенами гомонящего дома, я поняла, что не усну, больше никогда не усну и, одевшись, выскользнула из квартиры.

Куда податься человеку в три часа ночи, если ты не в центре города, а до него еще пилить и пилить. Да и в центр не очень-то и хотелось, представляю, как там шумно. Я стоял на горке в поселке, слушая грохот транспорта на Московском проспекте. Нет, лучше в другую сторону, а Пушкин. И решив не испытывать судьбу ночными прогулками по трассе, я выбрала другой, безопасный, как мне казалось, путь через пустующие, покрытые зарослями сухой травы и кустарников, земли. Как вы думаете, много ли найдется «мальчиков» или «девочек» топающих ночью по зарослям непонятно чего, непонятно куда? Ну, может быть мальчики, и найдутся, особенно после подогрева коктейлем или чем посложнее, но вот девочки вряд ли. Но я совершенно не думала об этой стороне вопроса. Мой утомленный слух отдыхал. Нет, я по – прежнему слышала транспорт на шоссе, самолеты, звуки прекращающейся где-то стройки. Но здесь под открытым небом все-таки преобладали звуки природы, воды, ветра, живности и они не были такими раздражающими.

А потом произошло, то, что я совсем не ожидала, передо мной, как из-под земли вырос силуэт. Невысокий, плотный мужчина в джинсах и черной футболке с длинными рукавами.

Хотя на улице, не смотря на чистое небо, было довольно— таки прохладно. Он застыл, как статуя, разглядывая меня желто-кариыми глазами. Светила луна, но я четко видела его, как при солнечном свете. Чисто выбритые щеки, полные красные губы, как будто накрашенные «ухаживающей» помадой, коротко стриженные волосы с легкой сединой. Симпатичный. Я перевела глаза на его мускулистую грудь и удивилась, как долго он удерживал замершее дыхание. Закончив осмотр, я вновь встретилась с ним глазами. Свой взгляд он так и не отводил. Наконец я не выдержала и дернула бровями, в смысле, тебе чего? Он удивился и с шумом втянул воздух, заставив меня рефлекторно сделать то же самое, после чего удивился еще больше и пропал, как будто его и не было.

— Придурак, — пробормотала я от неожиданности. И отправилась дальше. Но, пройдя несколько шагов, остановилась. Меня поразило отсутствие запаха незнакомца. В смысле он не пах человеком. Человеческий запах — это мучение. Катаясь в общественном транспорте, я каждый раз испытывала раздражение, как только люди оказывались менее чем на метр ближе ко мне. Похоже, что они не знали о существовании таких вещей, как мыло и дезодорант. Я себя успокаивала тем, что есть люди, которые пахнут приятно, но они не ездят общественным транспортом, а на своих авто. Так вот, мой случайный незнакомец не пах человеком. После него остался легкий нежный запах, приятный своей натуральностью, без косметических составляющих.

— Ну, надо же! — сказала я сама себе и отправилась дальше.

Всю ночь, прогуляв по паркам Пушкина, первым автобусом вернулась домой, как раз к моменту пробуждения Наськи. Пока ставила чайник и умывалась, она безрезультатно толкала мою кровать на ее историческое место, вместе у нас получилось лучше.

— Юлия, а я не знала, что ты боишься тараканов, — сказала мне подруга из-под кровати, выживая тапок.

— А еще я боюсь пауков и собак, это что не нормально? — спросила я, наливая кофе, — я думаю, если бы я боялась кофейных чашек в полоску, это было бы хуже, ты не находишь?

— Не злись, — попросила подруга, — я тоже не выпалась.

Утро, новый день, новое понимание реальности. Я собрала мозги в кучу, попыталась разложить по полочкам ночное происшествие. Что это было, и как сделать, что бы этого не было. Хотя, ночная прогулка мне понравилась, и в следующую ночь я была не против ее повторить.

День прошел так себе. Последней парой был «рисунок», который закончился поздно. На улице резкий холодный ветер гнал рваные тучи, задевающие за деревья и здания. Наська поехала:

— Вот, блин, погода, с утра солнце, вечером мокрота с ветром. Смотри! — она толкнула меня локтем.

На скамейке у входа сидел Егор в наушниках, пристроив на коленях любимый «Бук». Подруга чихнула, потом, подойдя к скамейке, громко повторила свой чих.

— Будь здорова. — Егор поднялся, — ну, как, сдали?

Ему почти все зачеты ставились автоматом, он всегда все делал легко, красиво и вовремя. Талант. Но почему он не ушел домой раньше, сдал же рисунок еще на прошлой неделе.

Настасья закатила глаза за его спиной:

— Ну, идемте, что ли, холодно ведь.

— А тебе? — он повернулся ко мне и стал быстро стягивать куртку.

Я пожалала плечами, почему-то мне, вечной мерзлячке, холодно не было. Я окинула взглядом улицу, по ней спешили прохожие, закутанные в шарфы, куртки, кое-кто натянул перчатки. На фоне утепленных граждан, наша троица выглядела достаточно необычно. Наська в свитере, джинсовой жилетке и большой мужской куртке с подвернутыми рукавами, стянутой с Егора. Егор в водолазке и большим ярким шарфом на шее, привезенным его отцом из Лондона. И я

в тонкой ветровке, надетой на пеструю футболку, с открытой шеей, отмороженным выражением на лице и волосами, стоящими от ветра как у Медузы Горгоны.

– Нет, – я повернулась к Егору, который уже начал стаскивать с себя шарф, – мне не холодно. Почему-то. – Отмечая недоуменные взгляды моих спутников. Я чувствовала ветер, но он не был холодным, скорее температуры тела. Или тело было температуры ветра?

Так, – опять подумала я, – сюрпризы продолжаются.

Я обедала в главном зале за большим столом. На этом настояла Шарлотта, кроме умения одеваться, как дама высшего общества, двигаться и говорить, требовалось еще умение вести себя за столом, правильно и красиво есть. Мне кусок в горло не лез, когда надо мной стояла группа контролеров: Шарлотта, с поджатыми губами, Гийом – вроде дворецкий и мой личный повар Марчелло. Раньше он был поваром при французском дворе. А, став вампиром, умудрялся готовить вкуснейшие блюда, руководствуясь только запахом продуктов и не пробуя их на вкус.

Еда на самом деле выглядела замечательно, перепела в соусе из шампиньонов с шафраном и заморской белой крупой. Но платье сдавливало тело, руки в тесных рукавах не поднимались, перепела пытались съехать с тарелки на подол пышного платья. Я вспотела. Устав сражаться с едой, в раздражении бросила нож на стол:

– Шарлотта, это-пытка, я не могу так есть. Можно, мы с Аяксом поохотимся в лесу, где не надо рядиться, как пугало и держать спину прямо?

Марчелло улыбнулся:

– Наша девочка настоящий вампир, не любит ограничений в еде...

Шарлота укоризненно посмотрела на повара:

– Нашей девочке придется находиться среди людей, она должна действовать, как человек.

– А, по-моему, ей место среди простолудинов, которым не нужны приборы и которые едят, как свиньи – подал голос, появившийся сын Шарлотты, и, глянув на меня, презрительно обозвал:

– Оборванка!

– Альберт! – в голосе его матери послышались угрожающие нотки, – радуйся, что тебя не слышит Гаюс.

Мой братец презрительно фыркнул и склонился над моей тарелкой:

– Фу, какая гадость, и как это люди могут есть? Нет ни чего лучше КРОВИ! – он сделал страшные глаза и наклонился ко мне.

Хоть я и не была вампиром, но реакцией обладала отменной. Момент, и тарелка с перепелами и соусом влетела в физиономию Альберта.

Вампиры тоже обладали хорошей реакцией, момент, и Гийом с Шарлоттой повисли на руках разъяренно шипящего вампира, а я сидела на закорках Марчелло на другом конце зала.

Вдруг послышался голос Гаюса, и он появился среди нас:

– Что случилось? – и Альберту:

– Почему ты в таком виде?

Сын Шарлотты, стряхивая с себя соус, прошипел мне:

– Я убью тебя!

Все посмотрели на меня, Шарлотта с опаской, Альберт со злостью, Гийом с надеждой, он ненавидел этого молодого садиста, Марчелло с интересом.

Я сделала круглые глаза:

– Гаюс, Альберт запнулся и упал в мой обед, – и, воспользовавшись моментом, попросила:

– Можно мы с Аяксом поохотимся? Я не наелась!

Братец зашипел, Шарлотта облегченно вздохнула, в глазах Гийома я прочла упрек, а Марчелло хмыкнул. Гаюс внимательно обозрел группу заговорщиков, которой мы являлись на данный момент:

– Марчелло, сейчас Дели идет с Аяксом, но что бы ужин... был на высоте!

Марчелло поклонился:

– Слушаю, сир, – и одними губами пообещал мне:

– Печеночный пирог.

Повар-вампир знал мои вкусы и часто баловал, не смотря на диктат моей матери в отношении питания.

Я одна в замке питалась по-человечески, слуги вместе с хозяевами приблизительно раз в неделю исчезали в выбранном направлении и под утро появлялись довольными и спокойными.

Как я к этому относилась? Да ни как. У меня не было близких среди людей, кого бы я могла потерять, и за кого должна была бояться. Мои родные умерли давно, почти десять лет назад, а от вампиров, которые меня забрали, я не видела ни чего кроме любви и заботы. Не считая, конечно, Альберта. Этот садист сразу невзлюбил меня, и если в детстве просто не замечал или пытался ради развлечения поугубить, то его отношение ко мне круто изменилось после моего семнадцатилетия, когда меня стали готовить к ритуалу обращения Сердцем Дьявола. Он меня люто возненавидел, что очень осложнило отношения между ним и Аяксом.

Формально, Альберт был господином, а Аякс – слугой, но всем было известно, что мой Хранитель получил особое указание Гаюса, свернуть шею любому, кто приблизится ко мне хоть на шаг, будь, то вампир или человек. Любому, невзирая на высоту рода или звания. А силу и реакцию Аякса знали и уважали все.

Гаюс как-то рассказывал мне, как он нашел Аякса. Он путешествовал вместе с армией Ганнибала через Альпы, который хотел напасть на Рим с севера. По пути Гаюс проходя через небольшую деревушку, где прятался беглый гладиатор. Даже, отравленный ядом вампира, гладиатор сопротивлялся до конца, и убийца, пораженный стойкостью противника, решил оставить ему жизнь в другом облике. Он спрятал тело от лучей солнца и дождался перерождения Аякса, получив самого сильного Хранителя и слугу.

Аякс поймал молодого оленя, освежевал и, слизывая последние капли крови, нанизывал на шпагу куски мяса, костер уже прогорел. Еще чуть-чуть и будет вкусный обед. Мне нравилось охотиться с ним, еды хватало на двоих. Все оставались сыты и довольны. Пока Хранитель занимался приготовлением, я жевала прихваченные по пути яблоки и думала о выражении лица Альберта, когда он смотрел в мою тарелку. Засунув руку в карман, достала еще один плод и протянула сотрапезнику. Аякс, взглянув на яблоко, потом на меня с улыбкой, мотнул головой, отказываясь. Тогда я задала мучивший меня вопрос:

– Что, так противно?

Аякс оглянулся вокруг, дотянулся до цветка мака и протянул мне:

– Пахнет?

– Да, приятно...

– Но ты же его не ешь.

– Но я же не корова, – ответила я и засмеялась, ответ лежал на поверхности, другая пища, потому что другие потребности:

– А как вампиры охотятся, что они испытывают, когда убивают человека? Как вампиры могут находиться среди людей, если люди для них еда?

– Узнаю свою Дели, без вопросов никуда, – вампир улыбнулся, – почему-то всем кажется, что вампиры не могут жить среди людей, потому, что хотят крови и бросаются. Ну, во-первых, бросаются те, кто не воспитан, это можно сделать и менее помпезно и агрессивно. А во-вторых, ты не пробовала втолкнуть в себя лишний кусок печеночного пирога Марчелло, после сытного обеда? Мы едим, когда голодны. А способ насыщения, зависит от воспитания.

– А вампиры могли бы питаться кровью животных, тогда необязательно было бы убивать людей?

– Простым может быть, и хватило бы, но они слишком примитивны, чтобы рассуждать на философские темы о ценности человеческой жизни. А вампирам Высшего уровня она бесполезна, кровь для них – это не только энергия жизни, но и информация о человечестве, о происходящем в мире, способ контроля. И вообще, еда едой, но и убивать нужно с умом, ни одного лишнего движения, без показухи и садизма, жертва не должна испугаться, а просто лишиться чувств.

– А если человек обращается?

– Все дело в опыте и концентрации яда. У более старших вампиров он сильнее, чем у недавно обращенных. И если жертва только для еды, то яда вводится меньше, чтобы парализовать, но оставить ее живой. Поэтому после полной потери крови жертва просто засыпает. Но если надо обратить, то яду требуется больше, что бы произошла полная перестройка организма и это вызывает сильные болевые ощущения. И обязательно в теле должно остаться хоть немного крови, для продления жизни обращенного. Вот такие беседы мы вели постоянно. И всем, что я знала о жизни вампиров, я обязана моей няньке Аяксу.

Вечером я насыщалась любимым печеночным пирогом Марчелло, когда в кухню вошла Шарлотта:

– Марчелло, почему Дельфина опять ест, как простолюдинка, на кухне?

– Госпожа?

Надо спасти своего любимого повара:

– Шарлотта, а как вы едите людей?

– Мы не едим людей, мы пьем кровь. – Шарлотта и Марчелло переглянулись, – а почему ты спрашиваешь, ты голодна? Тебя кто-то укусил? – она принялась, – Нет. Дели, почему ты задала такой вопрос?

– Ну, просто я вспомнила, как Альберт смотрел на мою еду, ему было противно, значит кровь вкуснее?

– Кровь на много вкуснее, детка, но я думаю, что она сейчас тебе не понравится.

– Ну, а все-таки Шарлотта, как вы едите?

У матери потемнели глаза:

– Это не тема для беседы для юной девушки, после обращения Гаюс тебе все расскажет.

– И это говорит вампириша со столетним стажем, – подумала я, – как будто с монахиней общаюсь. Ладно, найду того, кто мне расскажет.

И на следующий вечер я отправилась на поиски. У Аякса смысла нет спрашивать, он расскажет только то, что разрешил Гаюс, сам Гаюс сейчас ни чего не расскажет. Вот, Мадлен, любительница посплетничать, вчера они охотились, значит у нее сегодня уборка ночью, зазову ее в комнату.

Ждать пришлось не долго, как только последний луч солнца исчез с земной поверхности, двери подвала растворились и появились все слуги, Гийом, вроде дворецкий, Марчелло, Мадлен, и все остальные.

Гаюс вместе с охраной, Гийомом и Марчелло каждую ночь отправлялись на патрулирование, в ближних лесах были замечены кочевники – вампиры. Дома оставались только я, Шарлотта, Мадлен и Альберт, под охраной Аякса. Мадлен и Шарлотта занимались домашними делами, Альберт маялся от безделья, Аякс убирал двор и охранял меня, я обычно спала.

Но сейчас я прошмыгнула вслед за Мадлен, как только она поднялась в галерею, направляясь в комнату Шарлотты.

– Мадлен, мне скучно, давай я тебе помогу.

Горничная рассмеялась своим заразительным, раскатистым смехом:

– Дельфина, ты что-то натворила и теперь прячешься от Шарлотты?

Ну, что ж не получается так, попробуем по-другому:

– Нет, просто я хотела с тобой поговорить, – я сделала таинственные глаза и замолчала.

Это был верный способ разговорить Шарлотту, намек и молчание. Сначала она удивленно посмотрела, потом отвернулась, ожидая, что я продолжу, но я молчала, и, наконец, она не выдержала:

– Дельфина, что ты хотела спросить?

Я сделала отмороженное лицо:

– Да так, одну вещь... я подумала, что никто не сможет мне рассказать, так как ты... но ты занята, я наверно пойду...

Мадлен недовольно фыркнула, подхватила меня и усадила на сундук Шарлотты:

– Говори!

– Я слышала, как Альберт рассказывал охраннику, как вкусна наша человеческая кровь.

– Да, и что?

– А как вы ее пьете?

У Мадлен распахнулись глаза от удивления:

– Ну, мы прокусываем артерии у человека и пьем.

– И все? Что же здесь вкусного?

– Нет не все, когда ты прокусываешь кожу человека, и тебе на язык попадает первая капля, то уже невозможно остановиться, – она закатила глаза, – это так, это так восхитительно, теплая кровь течет в горло, она такая...

Мне не понравился взгляд Мадлен, когда она посмотрела на меня, он был очень сосредоточенным, глаза потемнели. Она наклонила голову влево, как собака, потом выпрямила и стала приближаться ко мне.

– Аякс! – я заорала во всю мощь своих легких.

Мадлен дернулась, и ее отбросило в угол комнаты, а мой страж материализовался около меня:

– Дели? – его голос звучал озабоченно.

Я перевела глаза на Мадлен, она уже оправилась и теперь трепетала от страха, ее могут убить за покушение на ребенка вампиров. Я поняла, почему Гаюс запретил всем говорить со мной об охоте. Из всех вампиров нашего небольшого клана только он был старым, только он мог контролировать себя и ситуацию в целом. И я была виновата в соблазнении Мадлен.

– Аякс, мы видели в окно тени, наверно это кочевники, а Гаюса нет дома, что делать?

– Я проверю. Мадлен, не спускай глаз с Дельфины.

И мой верный страж исчез. Мадлен посмотрела на меня:

– Дели прости.

– Это ты прости меня, я не думала, что тебе так будет трудно. А сейчас придумай, что мы скажем Аяксу, когда он вернется.

Так, что там говорила Мадлен:

– Прокусываешь кожу человека, и тебе на язык попадает первая капля, то уже невозможно остановиться, это так восхитительно, теплая кровь течет в горло, она такая...

Теплая кровь потекла по моему горлу. Я в блаженстве закрыла глаза.

– Юлия, – кто-то сильно толкнул меня в бок. Я дернулась и очнулась. Сидящая рядом соседка по парте быстро зашептала на ухо:

– Мешков на тебя пялится уже минут двадцать, с экзаменом пролетишь!.. Эй, ты, что на меня так смотришь?

– Как?

– Как будто сейчас съешь!

Я внутренне содрогнулась, съест Наську? Потом прислушалась к своим ощущениям. А она ничего, пахнет приятно.

Я опять получила толчок под ребра:

– Прекрати, я обижусь.

Глубоко вздохнув, я перевела глаза на свои лекции. Интересно, а на самом деле смогла бы я съест Наську?

– Бедная девочка, и что это с ней такое в последнее время? Вот я всегда говорила, что воздержание до добра не доведет, все время одна, да одна...

– Ничего, со мной все в порядке, и почему ты говоришь обо мне в третьем лице, как будто меня здесь нет?

Глаза Насти были размером с блюдце:

– Как ты это делаешь?

–?!

– Я ничего вслух не говорила, я это подумала...

– Не шути подруга, настроение неподходящее.

– Кто-то из нас двоих точно сошел с ума, – соседка не открывала рот, но ее голос звучал, как будто мы беседовали.

Мы уставились друг на друга, не понимая, что происходит.

– Так, по-моему, мои лекции современных барышень не интересуют, можете погулять, но на экзамен придете только с допуском деканата, – прозвучал голос Мешкова, – (что за студентки пошли, всю ночь шляются, а потом друг другу хвастаются, вот в мое время...)

– Да, в Ваше время девушки были скромнее, юноши умнее, а правительство честнее!

Глаза преподавателя, повернувшегося на мою реплику, напоминали Настины минуту назад. Подруга быстро просчитала полученный результат и последующие санкции и, схватив меня за руку, со словами, извините у нее температура, ринулась из аудитории.

Мы остановились между этажами, на лестничной площадке.

– Ну, рассказывай, как ты это делаешь? – Наська теребила меня за джемпер от нетерпения.

– Делаю – что?

– Ну, вот ты всегда так, хоть пытай тебя, ты угадываешь мысли, где научилась?

– Это не я, а ты – чревовещатель, рот закрыт и говоришь!

– Ну, все! – Настя повернулась ко мне спиной и надула губы. Теперь она точно обиделась, уж я ее знаю, правда, это не на долго, но неприятно.

– Нась, ну, Нась, не обижайся, я не знаю, как это получается...

– А давай еще попробуем, – подруга повернулась, как ни в чем не бывало.

– Так... что бы еще сказать... прямо не знаю... вот черт, как нужно, ни какие мысли в голову не лезут...

Я рассмеялась:

– Не знаешь о чем говорить, а требуешь продолжения банкета.

– Вот здорово! – она сияла как тульский самовар, – надо с этим что-то делать, может тебе в цирке выступать, а что, станешь знаменитостью. Меня возьмешь арт-менеджером, такие бабки срубим! Давай!

– Нась, Настя, остановись....

– Надо найти телефон, кто у нас сейчас занимается цирками, Росконцерт еще существует?

– Настя стой! – заорала я на весь коридор, так, что какой-то первокурсник любопытно свесился между этажами.

– Брысь, мелочь, – цыкнула на него соседка, и мелочь пропала с недовольным ворчанием.

– Мы не знаем, что это такое, не знаем, как это проявляется, как долго это будет...

– А мы это проверим, – не унывала Настя.

Она подвела меня к дверям деканата:

– Слушай!

– Галина Владимировна, что с Лихачевым делать будем, он историю культуры опять не сдал? (и не сдаст, он первокурсник по ресторанам водит, и почему мне не семнадцать?)

– Отчисляем, Наташа! (зачем поступал, спрашивается, каждый год с ним маета, как они все надоели...)

– Галина Владимировна, на вахте опять нет ключей от триста шестнадцатого, докладную писать? (и слава Богу, что нет, голова разболелась, домой бы поскорее)

– Валентина Николаевна, что, я еще ключами должна заниматься, Вы, что, маленькая девочка? (зачем на работу таскается, муж богатенький, по зарубежным курортам возит, сидела бы дома...)

– Ну, что там? – Настя оттащила меня от дверей, – рассказывай!

Я уставилась на нее, открыв рот, то, что я слышала, было невероятным. Один и тот же человек вел одновременно два диалога, причем они здорово отличались по настроению и интонациям. Это настолько отличалось от обычного разговора...

– (Ну что она молчит? Сейчас я умру от любопытства.) Ну, Юлия! Не вредничай, рассказывай!

Пока я обдумывала свои ощущения, мысли Наски, как назойливые мухи долбили меня.

– (Клевая телка, только злая что-то, с пары выгнали,) – мимо проходил пятикурсник...

– Девочки, вы, почему не на паре? (Что за студенты, лишь бы не учиться,) – секретарь Наталья Сергеевна вышла из деканата.

– Здравсте, Наталья Сергеевна, Юлии плохо, нас отпустили в поликлинику. (Вот дура выперлась не в тему, ну почему Юлия молчит, наверно ничего не получилось?) – Опять Настя.

– Наталья Сергеевна, здравствуйте, мы кабинет убрали, нам можно домой? (Девчонки уже место в кафешке забили, ну давай соображай скорей курица старая, пицца стынет), – первокурсница дизайнер.

Звонок! Коридор наполнялся студентами, преподавателями, а моя голова разговорами. Я зажала уши, но, ничего не помогало, чужие мысли лезли ко мне в голову, не спрашивая разрешения, веселые, мрачные, завистливые, творческие, интимные, произносимые знакомыми и не знакомыми голосами. Они звучали громко и не очень, вскрики, шепот, восклицания, вздохи...

Мне хотелось отлупить себя по голове, но я понимала, что это не поможет. Я рванула к выходу, шараясь от людей, натываясь на их мысли раньше, чем на тела:

– (И что с ней?)

– (Во, телка больная!)

– (Куда несешься, придурашная?)

– (Ура, день забегов по лестницам, меня подождите!)

На улице было не лучше, на меня обрушился город, чужие мысли запрыгивали, лезли, вползали, вкрадывались, врывались в мою разламывающуюся голову... Это было оглушающее – чувствовать себя на ликующем стадионе, где ты кричишь вместе со всеми и не слышишь свой голос.

Быстрее, быстрее из этого громогласного города! Я бросилась бежать, Настя осталась, где-то сзади с нашими сумками и своим разочарованием, а в моей голове разбивая чужие послания, билась только одна мысль, быстрее.

И я побежала быстрее, время вдруг замедлилось, и окружающее пространство стало тягучим, как будто на город вылили огромный котел желе. Все вокруг обрело дополнительный свет и цвет. Город, который раньше казался огромной серой массой, вдруг стал ярким, сверкающим, словно Сочи летом. И я оказалась самой яркой точкой в этом городе, летевшей по улицам с невероятной скоростью пролетая перед замершим во времени транспортом, остекленевшими пешеходами.

Стоило мне остановиться, и город снова обрушился на меня грохотом чужих мыслей. И я побежала снова. Пришла в себя только за городом по дороге на Выборг. Сначала я возликовала, тишина, наконец-то долгожданная тишина, но, глянув на часы, оторопела, прошло только двенадцать минут после звонка. Нет, я ошиблась, взглянула снова, да двенадцать минут. От неожиданности я села, нет, скорее упала на траву и обхватила руками голову. Я не могла понять, что со мной происходит. Запах крови, чужие мысли, способ моего передвижения. Принялась судорожно вспоминать, не писали ли последнее время где-нибудь о новом виде гриппа или особого сумасшествия.

Нет, сейчас приступ пройдет, и я снова окажусь в аудитории или в нашей с Настей комнате. Я хотела слишком много. Время шло, но ничего не происходило, нужно было возвращаться, а у меня с собой не было ни сумки, ни телефона, ни денег. И я отправилась пешком, благо представляла, где нахожусь.

Домой я притащилась часа в два ночи, и что удивительно совершенно не уставшая, а бодрая, как, будто только что вылезла из кровати. Опухшая от слез, подруга открыла дверь и кинулась мне на грудь:

– Юлия, ты, где была, я чуть с ума не сошла, выскочила из универа и растворилась в воздухе. Я думала, что у меня глюки.

Я не стала слушать все ее всхлипы в голове, я представила, что затыкаю бутылку, из которой льется вода, пробкой. И сразу стало на много тише.

– Не переживай – это я сошла с ума, все нормально, иди, ложись спать, на тебе лица нет. Она вцепилась в меня мертвой хваткой:

– Я за тебя переживала

– Я знаю, я схожу в душ и приду, ложись.

Измученная подруга поплелась в кровать, а я ванную. Когда я зашла в комнату, Настя спала и видела сон про своего первого парня, подарившего ей большую шоколадку. Я это видела очень ясно, как в кино. Опять пришлось запечатать бутылку. Прилечь я даже не пыталась, знала, все равно не усну. На улицу не хотелось, протянула руку и взяла с полки первую попавшуюся книгу. Это оказался англо– русский словарь, ну что ж почитаю.

Ночью я так и не сомкнула глаз, чтобы не шарaxаться по коридору и не мешать спать соседке, я уселась на кухне на единственный табурет. Так и просидела до утра, бездумно перелистывая страницу за страницей, пока заспанная Наска не появилась в дверях и не заинтересовалась, что у нас на завтрак. Завтракать мне не хотелось, впервые в жизни. Обычно по утрам я голодная, но не сегодня. Перевернув последнюю страницу словаря, я поднялась со словами:

– Не знаю, что-нибудь посмотри в холодильнике.

Настя по привычке протянула руку, чтобы проверить температуру, но под моим взглядом ступала и пощупала голову себе. В кармане ее халатика заиграла музыка, телефон, девушка просияла, это – он, любимый.

– Откуда у тебя эта дурацкая мелодия, – спросила я.

Наска подняла брови:

– Славик поставил, перед тем как слинять.

– «Телки – злюки, телки дуры», хороший подарок и главное, прекрасная память...

– Что?! Откуда ты знаешь, здесь по-английски, – она уставилась на словарь в моих руках.

Мне стало не по себе. Я в раздражении бросила книгу на стол, сбив Наськину любимую чашку. Чашка до пола не долетела, я подхватила ее и резко поставила на стол. Прошло еще, какое-то время, и чашка развалилась на две половинки.

– Извини.

Соседка, молча, кивнула, налила закипевший чай в мою чашку и с ней ушла в комнату завтракать. А я принялась собирать осколки, может попытаться ее склеить? Соединив две половинки, я слегка нажала на стекло, большие осколки превратились в маленькие, у меня было такое ощущение, что я держу в руках яичную скорлупу:

– Вот, блин, делают посуду, одноразовую.

– Юлия, – робкий голос подруги вывел меня из раздражения, – ты идешь на занятия?

– Да, сейчас.

Всю дорогу, обычно болтливая Наська молчала, изредка поглядывая на меня, а мне было не интересно, о чем она думает, перед выходом на улицу я применила «правило закупоренной бутылки», поэтому мы добрались без происшествий.

При подходе к университету нас остановили туристы, разыскивающие Русский музей, я объяснила.

– И давно ты болтаешь на английском, как будто он твой родной? – поинтересовалась подруга.

– Почему на английском?

– А на каком языке ты разговаривала с туристами?

–?!

– Ну, ну, пойдем, уже звонок, – она повернулась и отправилась по коридору, не оглядываясь, а я вышла на улицу и уселась на скамейке.

Посидев немного и обдумав ситуацию со скоропостижно выученным английским, я решила еще раз испытать судьбу и отправилась в библиотеку, благо далеко бежать не пришлось, до Невского пять минут ходьбы.

Влетев в помещение, я поднялась по ступенькам и оказалась перед библиотекарем профессорской наружности. Она заинтересованно посмотрела на меня.

– Здравствуйте, мне нужен зал, где иностранные словари...

– Вам нужны электронные словари или печатные? – огорошила меня библиотекарь.

Совсем из головы вылетело, можно же было воспользоваться ноутбуком Прохорова, однокурсника. Который свой «бук» не выпускает из рук даже во сне. Но сейчас уже не до него;

– Мне нужны: немецкий, французский печатные, пожалуйста.

Так, что бы еще взять, что бы можно было проверить, суахильцы у нас не появляются, ага, вот, когда неслась сюда, заметила группу, по-моему это были японцы.

Оформив все, как положено, я залезла в самый дальний угол читального зала. Начнем, пожалуй. И я начала перелистывать словари, пробегая глазами строчку за строчкой. Пролистав за полтора часа три тома, я попросила по одной газете на этих языках. Первые две нашлись сразу же, японскую, пришлось немного подождать, но это того стоило. Я понимала! Я читала и понимала, о чем говорится в статье, дословно, как будто читала на родном языке! Это было невероятно!

Видимо у меня был потрясенный вид, что библиотекарь подошла ко мне:

– Девушка, с вами все в порядке?

– Да, спасибо мне бы еще словарь фарси, пожалуйста...

У бедной женщины вид теперь был такой же, оказывается, я отвечала ей на японском. Извинившись и попрощавшись, вылетела на улицу проверять версию. Прошла одна группа туристов, другая, третья. Я слишком вслушивалась в незнакомую речь, что опять начала читать

чужие мысли и сделала одно открытие. Для того что бы понять любого человека мне не нужно знать его язык, так как я слышала саму мысль, рождающуюся в мозгу, прежде чем она была облачена в словесную форму, сначала возникало эмоциональное состояние, которое в последствии наделялось каким либо смыслом при помощи слов родного языка. Выслушивать одну и ту же информацию дважды было утомительно, причем, многие люди оказались удивительно косноязычны, пытаюсь произнести словами, что чувствуют. Разница большая, это как Шекспир в подлиннике и его пересказ из уст первокурсника, со словарным запасом в триста слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.